

НАУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ

LEARNING FROM EXPERIENCE

BY

W.R. Bion,
D.S.O., B.A., M.R.C.S., L.R.C.P.

Maresfield library
London

Уилфред Р. Бион

НАУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Москва
«Когито-Центр»
2017

УДК 159.9
ББК 88
Б 24

Перевод с английского
Александра Шуткова

Бион У.Р.
Б 24 Научение через опыт переживания / Пер. с англ. — М.: «Когито-Центр», 2017. — с. 128 (Библиотека психоанализа)

УДК 159.9
ББК 88

Проблемы, рассматриваемые в книге, имеют фундаментальное значение для понимания процесса научения. В ней описывается эмоциональный опыт автора, непосредственно связанный как с теориями познания, так и с клиническим психоанализом, причем акцент делается на практическом применении.

В частности, в книге рассматриваются такие вопросы, как отношение проективной идентификации к генезу мышления, роль оральных переживаний в создании модели мышления, проблемы абстрагирования (генерализации) и конкретизации (наименования) и др.

Книга адресована широкому кругу специалистов, а также студентам, занимающимся изучением психологии, философии, социологии и других, смежных с ними, научных областей.

ISBN 0 946439052 (англ.)
ISBN 978-5-89353-257-9 (русск.)

Оглавление

Благодарности

Я выражаю благодарность людям, которых хорошо знаю и имена которых я могу назвать.. Я также благодарен пациентам, которые сотрудничали со мной и оказывали мне поддержку, но их имена останутся анонимными. Доктор Эллиотт Джейкс, мистер Мани-Кёрл и доктор Х. Сигал прочитали мой труд и высказали критические замечания. Подобные затраты времени и усилий практикующих психоаналитиков может оценить лишь другой практикующий психоаналитик. И, наконец, я выражаю благодарность своей жене, без поддержки которой я вообще не отважился бы писать.

Введение

1. Поднимаемые в этой книге проблемы имеют фундаментальное значение для понимания процесса научения и длительную историю исследований и дискуссий. Из психоаналитической практики — особенно с пациентами, у которых наблюдаются симптомы нарушения мышления,— становится ясно, что психоанализ выявил некоторые новые грани этих проблем и, возможно, наметил пути их решения.

2. В этой книге описывается эмоциональный опыт, непосредственно связанный как с теориями познания, так и с клиническим психоанализом, причем акцент делается на практическом применении. Тот, кто совершенствуется в философских подходах, обычно не имеет возможности (доступной аналитику) углубиться в процессы нарушенного мышления, и даже психоаналитики не часто имеют такую возможность. У меня же было много практики в этом отношении, но философских знаний мне не хватает.

3. У меня есть определенный опыт, но я не знаю, как лучше сообщить об этом опыте другим, и в этой книге объясняется, почему. Некоторое время я думал сконцентрироваться на анализе тех, кто ему обучается. Я убежден, что психоаналитики правы, считая такой подход единственным, по-настоящему эффективным, способом передачи аналитического опыта, которым мы располагаем в настоящий момент; однако попытка ограничиться только такой деятельностью содержит оттенок эзотерического культа. С другой стороны, публикация такой книги, как эта, может показаться преждевременной. Тем не менее, я считаю возможным дать общее представление о мире, который раскрывается при попытке понять, как мы понимаем. Если читатель соблазнится пойти дальше, то цель этой книги будет достигнута.

4. Я свел количество примечаний и ссылок к минимуму, оставив существенные. Они важны скорее для обдумывания прочитанного, чем собственно для чтения книги. Книгу следует читать сразу целиком, не останавливаясь на местах, которые поначалу могут казаться неясными. Некоторые неясности возникают из-за того, что невозможно писать об аспектах проблемы, разработка которых началась лишь в последнее время, не прибегая при этом к заведомым допущениям и упрощениям. Если читать сразу все целиком, то эти моменты будут проясняться по ходу чтения. К сожалению, некоторые места я не смог сделать более понятными. У читателя есть возможность открыть для себя, что попытка прояснить их самостоятельно — это благодарная, хотя и непростая работа, которую ему придется проделать, потому что я не сделал этого сам.

5. Может показаться, что я неправильно использую слова, имеющие установившееся значение, когда, например, применяю термины «функция» и «факторы». Критики указывали мне на то, что используемые мною термины двусмысленны и что они могут вызвать у образованного читателя ассоциации из области математики и философии. Я использовал эти термины намеренно, именно из-за этих ассоциаций, и стремился сохранить их двусмысленность. Я хочу намекнуть читателю на математическое, философское и обыденное значения, поскольку обсуждаемые мною свойства человеческого сознания, возможно, развиваются таким образом, что лишь на поздних стадиях классифицируются по этим или другим категориям. При этом я не обсуждаю ничего из того, что могло бы являться функцией; то, как я использую это понятие, должно показать, что любые наблюдаемые мною действия анализанда — математический ли расчет, особая походка или действия из зависти — все это для меня функции личности. Если я интересуюсь точностью его математических расчетов, то это не потому, что мне интересны его математические способности, а потому, что его математические расчеты и точность их выполнения — это функции его личности, и я хочу знать, какие факторы они представляют.

6. Если читатель еще раз просмотрит предыдущий параграф (5), он увидит, что, настаивая на использовании термина «функция» и желая сохранения всего богатства ассоциаций, я принял

допущение, что буду использовать этот термин в соответствии с теми правилами и договоренностями, которыми регулируют его использование математики и философы. Если я отвечаю этому ожиданию, то можно сказать, что я использую термин «правильно». Но если я не следую этим ожиданиям (вызванным тем кругом ассоциаций, которые я не отделяю от термина), то можно с полным основанием говорить о неправильном использовании мною этого термина. Таким образом, для меня открыты (если я соглашаюсь с критикой) два пути — либо явным образом лишить этот термин круга его ассоциаций, либо принять те договоренности о его использовании, которые подразумевают связанные с ним ассоциации.

7. На самом деле, я не хочу следовать ни тому, ни другому курсу. Предположим, я рассматриваю прогуливающегося мужчину. Я могу сказать, что его прогулка — это функция его личности и что в результате некоторого исследования я установил, что факторами этой функции являются его любовь к девушке и зависть к другу. Или что факторы этой функции — его любовь к девушке и зависть к другу. После дальнейших исследований я могу решить, что его любовь к девушке суммируется с завистью к другу, или что **F** (его прогулка) **= L + E**. (**F** — функция, **L** — любовь, **E** — зависть). Но мне может казаться, что мои наблюдения близки к кляйнианской теории проективной идентификации и что я могу лучше всего выразить свое мнение об этих фактах, сказав, что функция «прогулка» есть признак ощущения пациента, что он вовлечен в нее любимой девушкой, с которой он идентифицируется, а также соперником, которому он завидует, но с которым он также идентифицирует себя, и что оба объекта контролируются им, когда он идет. Я избавлю читателя от построения формулы, выражающей эту последнюю мою идею «математически», но прошу проверить правильность использования понятий «функция» и «фактор» в главе 1. Я понимаю, что такой подход может смутить, но не могу согласиться с тем, что его следует решительно объявить неправильным. В последующих главах я утверждаю, что использовать идеи и их обозначения значительно труднее, чем их порождать. Первый процесс гораздо менее развит. По этой причине я готов допустить, что неправильно использую идею, или ее символ, или и то

и другое вместе, но я не могу принять допущение о существовании достаточно определенного критерия, разрешающего данный вопрос. В психоаналитической методологии критерием не может являться правильность или неправильность данного подхода, значимость его или гипотетичность, — подход либо способствует, либо не способствует развитию.

8. Я не думаю, что содействие развитию является бесспорным критерием; психоаналитическая теория и практика — в случаях, когда обнаруживаются серьезные нарушения мышления,— указывает на необходимость пересмотра идей, касающихся происхождения и природы мышления, и вместе с тем — идей о механизмах, с помощью которых совершается «думание» мыслей. Но если необходимо изменить нашу точку зрения на мышление и его механизмы, то, похоже, это изменение — коль скоро оно так значительно, как мне представляется,— потребует модификации способа продуцирования «мыслей» и методов манипуляции ими. Мой способ продуцирования «факторов» и «функций» (и то, что они доступны для осознания) не является обязательно ложным только потому, что отличается от традиционно считающегося правильным способа формирования понятий и их использования, и потому тщательное критическое рассмотрение его с учетом психоаналитического опыта (которому, как я считаю, следует подвергать любое размышление) не отвергает мой метод.

9. Методы, представленные в этой книге, не являются окончательными. Даже понимая их неадекватность, я часто не мог улучшить их. Я нахожу свое положение сходным с положением ученого, вынужденного применять теорию, которая, как он знает, недостаточно хороша, потому что еще не найдена новая, способная ее заменить.

Краткое изложение содержания

Следующий план книги можно использовать в качестве примерного руководства:

Глава 1 включает в себя предварительное разъяснение двух терминов.

Глава 2 определяет область, в которой я собираюсь использовать термины как часть моего исследовательского арсенала.

В главе 3 начинается стилизованное описание пережитого мною эмоционального опыта — понимания, которое стало стимулом для всей этой книги. Под стилизацией я подразумеваю сознательное усложнение, поскольку искажение, допущенное при таком способе представления материала, неизмеримо меньше искажения, вызванного какой-то другой причиной, включая так называемые механические средства записи. Эти последние обладают той же степенью правдоподобия, что и фотография: запись сессии, несмотря на кажущуюся точность представления, приводит к дальнейшему искажению — то есть искажению на самой сессии. Фотография реального фонтана может быть достаточно хорошей, однако этот фонтан представлен взглядом фотографа, зафиксированным его аппаратурой; во всяком случае, проблема интерпретации фотографии остается. Искажение, вызванное записью, оказывается больше, так как придает правдоподобие тому, что уже было искажено.

В главе 4 вкратце формулируются некоторые идеи, которые обсуждаются на протяжении всей книги.

Главы 5–11 являются кратким изложением клинических явлений, имеющих отношение к предмету рассмотрения этой книги; все они известны аналитикам, но представлены в терминах, по-видимому, более значимых для тех, кто изучал теории Кляйн. В изложении определяется та цель, ради которой я ввел термины «альфа-функция» и «контактный барьер», а в конце главы 11 я обращаю внимание на важность выбора между изменением фрустрации и избеганием ее.

Глава 12 начинается с обсуждения проективной идентификации и ее отношения к генезу мышления. Предмет этот увлекает нас в исследование той роли, которую играют в создании модели мышления оральные переживания, связанные с питанием. Я уделяю внимание тем серьезным последствиям для развития, к которым приводит неспособность матери мечтать.

В главе 13 рассматривается проблема записи сессий и используемых аналитиком теорий; кроме того, обсуждаются возможности, предоставляемые подходом, основанным на методе научного описания из главы 14.

В главах 14–16 вводятся символы **L**, **H** и **K**, используемые при обсуждении материала этой книги.

Главы 17–18 возвращают к использованию абстракции «альфа-функция» с целью обсуждения генеза мыслей. В связи с этим обсуждаются проблемы абстрагирования (или генерализации) и конкретизации (или наименования).

В главе 19 начинается обсуждение способов использования психоаналитических моделей.

Глава 20 является исследованием абстракции, в ней также предпринимается попытка использовать абстрактные символы для разъяснения некоторых проблем абстрагирования в том виде, в каком они предстают в анализе.

В главе 21 вводится кляйнианская теория чередования депрессивной и параноидно-шизоидной позиций; исследуется отношение этого процесса к научению, а также эмоциональный опыт, связанный с терминами, используемыми в этиологических теориях.

В главах 22–23 в контексте аналитической практики обсуждается процесс формирования модели и абстракции.

В главах 24–27 продолжается начатое ранее обсуждение, при этом особое внимание уделяется научению (**K**-связи). В главе 28 разрабатывается та же самая тема в отношении минус **K** (–**K**).

Глава 1

1. В обыденной речи мы часто называем некую форму поведения людей именем человека, для которого это поведение считается типичным,— например, говорим «спунеризм», как если бы это было функцией индивидуума, носящего имя Спунер. Я воспользовался этим свойством речи, чтобы развить теорию функций, которая, возможно, будет иметь более точное применение, чем общеупотребительные фразы. Я должен предположить, что личности присущи факторы, которые, объединяясь, создают нечто стабильное и реально существующее — нечто, названное мною функцией личности. Смысл, который я вкладываю в термины «факторы» и «функции», и цель, ради которой я их определяю, станут ясны чуть позже; сейчас же уместно привести некоторые предварительные разъяснения.

2. Утверждение «Зависть к товарищам является фактором личности Х'а» таково, что любой непрофессионал может считать его мало- или многозначительным; значимость этого утверждения зависит от нашей оценки человека, заявляющего такое, и нашей оценки той важности, которую он придает своим словам. Сила утверждения увеличивается, если я придаю термину «зависть» ту же значимость и тот же смысл, которые в него вкладывала Кляйн.

3. Теперь допустим другое утверждение: «Взаимоотношение Х'а с его товарищами является типичным для личности, фактором которой является зависть». Данное утверждение описывает функцию, факторами которой являются перенос и зависть. По ходу психоанализа в тех изменениях, которые демонстрирует функция, необходимо выявлять новые факторы, а также разграничивать разные функции.

4. «Функция» — это обозначение психической активности, которая присуща набору факторов, действующих согласованно. «Фактор» — это обозначение психической активности, которая согласованно действует с другими видами психической активности и составляет функцию. Факторы выводятся из рассмотрения функций, частями которых они становятся, когда согласуются друг с другом. Это могут быть теории, а также факты, которые эти теории представляют. Может показаться, что факторы — это банальные явления обычного инсайта, однако это не так, поскольку слово, использованное для обозначения фактора, употребляется в научном смысле и поэтому является более строгим, чем в разговорном языке. Факторы выявляются не непосредственно, а в ходе рассмотрения функций.

5. Теория функций облегчает установление соответствия между реализацией[1] и дедуктивной системой[2] Более того, она позволяет более гибко использовать аналитическую теорию (которая может применяться в самых разных аналитических ситуациях) без ослабления прочности и стабильности той структуры, частью которой та является. Кроме того, благодаря теории функций, дедуктивная система, обладая высоким уровнем абстракции, может использоваться для представления наблюдений в анализе отдельных пациентов. Это важно, поскольку психоаналитическая теория должна применяться к тем изменениям, которые происходят в личности пациента. Если аналитик рассматривает функции и выводит из них родственные факторы, то разрыв между теорией и наблюдением может быть преодолен без разработки новых и, вероятно, вводящих в заблуждение теорий.

6. Кроме того, есть важная функция, позволяющая проиллюстрировать то, чему служит предлагаемая теория функций. Я называю эту функцию альфа-функцией, тем самым давая себе возможность говорить о ней без каких-либо ограничений (которые имели бы место, используй я более содержательный термин) со стороны ассоциаций, скрывающих смысл. Я полагаю, что авторы и те, кто критически и с пониманием обсуждал различные теории, уяснили мой замысел в достаточной мере. Свобода, подразумеваемая при использовании термина альфа-функция, и концентрирование точности выражения и применения

во всем, что имеет отношение к факторам, придает гибкость структуре, не причиняя ей ущерба. Может показаться, что мое использование существующей теории не соответствует тому значению, которое придавал ей автор. Но если бы это было так, то я признал бы это: я же, однако, уверен в том, что верно интерпретирую авторскую теорию.

7. Термин альфа-функция намеренно лишен смысла. Прежде чем указать на ту область исследования, где я планирую его использовать, я должен обсудить одну из присущих этому исследованию проблем. Поскольку данный бессодержательный термин призван служить психоаналитическому исследованию как переменная величина математику, то само неизвестное, которое может быть наделено смыслом лишь в ходе его использования, поможет определить, в чем же состоит этот смысл; важно только, чтобы оно не использовалось слишком поспешно для передачи смысла, т.к. промежуточные значения могут оказаться именно тем, от чего необходимо избавиться. Уже тот простой факт, что термин альфа-функция используется в частном исследовании, неизбежно приводит к новому его определению в соответствии с теми смыслами, которые сформировались в результате уже проведенных в этой области исследований[1]. Поэтому необходимо проявлять постоянную бдительность, чтобы не допустить такое развитие, в противном же случае значимость инструмента уменьшается в самом начале. Областью исследования является примерно та область, которую охватывают положения, описываемые мною в следующей главе.

Глава 2

1. Описывая становление принципа реальности, Фрейд говорил: «Возросшее значение внешней реальности повысило роль обращенных к внешнему миру органов чувств, а также связанного с ними сознания, которое, помимо качеств удовольствия и неудовольствия, исключительно интересовавших психику до тех пор, научилось воспринимать также качества, определяемые органами чувств». Я подчеркиваю, что в этой фразе — «которое ... научилось воспринимать» — под «которым» Фрейд подразумевал «связанное с чувственными впечатлениями сознание»[1]. Приписывание понимания сознанию я обсужу позже. Сейчас же важно рассмотреть функцию понимания как таковую; предметом этого рассмотрения являются как понимание чувственного впечатления, так и понимание качеств удовольствия и неудовольствия. Я использую термины «чувственное впечатление», удовольствие и неудовольствие наравне с понятием реальность, тем самым отбрасывая то различие, которое Фрейд провел между «внешним миром» и удовольствием и неудовольствием, как не имеющее отношение к проблеме понимания. Тем не менее я разберу возникновение принципа удовольствия и принципа реальности на примере выбора, который делает пациент между модифицированием фрустрации и избеганием ее.

2. Приписывание сознанию понимания приводит к противоречиям, которые удается обойти, если принять (с целью представления теории) следующую более позднюю фрейдовскую концепцию: «но что это за утраченная часть, фигурирующая в нашей модели сознания, столь всемогущая и все еще скрытая от взора? *Только та, что представляет чувственный орган восприятия психических свойств*»[1]. (Курсив Фрейда.)

3. Продолжим цитирование работы Фрейда «Замечания о двух принципах функционирования психики»: «Была выработана особая функция, в задачу которой входило периодически обследовать внешний мир для того, чтобы данные его наперед были известны, если появится неотвратимая внутренняя потребность. Эта деятельность идет навстречу чувственным впечатлениям вместо того, чтобы ожидать их появления»[1]. Фрейд не стал больше исследовать внимание, но термин (в том виде, в каком он использовал его) имеет именно тот смысл, который я исследую как фактор альфа-функции.

4. Далее: «Весьма вероятно, что одновременно с этим была введена система отметок, которая должна была сохранять продукты этой периодически осуществляемой психической деятельности сознания — часть того, что мы называем памятью». Наименование и сохранение объектов внимания также входит в круг явлений, изучаемых в теории альфа-функции.

5. Далее будут рассмотрены некоторые теории Мелани Кляйн и ее коллег, а именно: теория расщепления и проективной идентификации[1]; переход от параноидно-шизоидной позиции к депрессивной и наоборот[2]; формирование символа[3] — и некоторые мои предыдущие работы, посвященные развитию вербального мышления[4]. Я не буду разбирать все полностью за исключением лишь того, что касается изменения факторов в результате сочетания их друг с другом в функции. Но довольно говорить о том, что уже сделано. Теперь я приведу пример использования теории функций в психоаналитическом исследовании той сферы деятельности, которую охватывают указанные в этой главе работы.

Глава 3

1. Переживание возникающего во сне эмоционального опыта, выбранного мною по причине, которая скоро станет ясной, ничем не отличается от эмоционального опыта, возникающего при бодрствовании, когда восприятия эмоционального опыта, полученного в обоих состояниях, должны быть переработаны альфа-функцией прежде, чем их можно будет использовать в мыслях сновидения.

2. Альфа-функция воздействует на осознаваемые пациентом чувственные впечатления и эмоции, чем бы они ни являлись. В ходе успешного действия альфа-функции формируются альфа-элементы; эти элементы запоминаются и становятся необходимым условием возникновения мыслей сновидения. Если альфа-функция нарушена, и потому недейственна, осознаваемые пациентом чувственные впечатления и переживаемые им эмоции остаются неизменными. Я буду называть их бета-элементами. В отличие от альфа-элементов, бета-элементы воспринимаются не как явления[1], а как вещи-в-себе[2]. Эмоции также являются объектами восприятия. Мы, таким образом, оказываемся в состоянии прямо противоположном состоянию ученого, который знает, что имеет дело с явлениями, но не уверен, что этим явлениям соответствуют вещи-в-себе.

3. Бета-элементы невозможно использовать в мыслях сновидения, но они подходят для проективной идентификации. Они играют решающую роль при отыгрывании. Они являются объектами, которые можно отторгнуть или использовать в мышлении, оперирующем тем, что ощущается как вещь-в-себе: слова или идеи заменяются манипуляцией. Например, человек может убить своих родителей и таким образом ощутить свободу любить, потому что данный акт предполагает устранение на-

строенных против сексуальности внутренних родителей. Такой акт необходим «для освобождения психики от добавочного раздражения (accretion of stimuli)». Бета-элементы запоминаются, но иначе чем альфа-элементы: как неусвоенные факты они занимают не так много памяти, по сравнению с альфа-элементами, усвоение которых происходит посредством альфа-функции, что делает их доступными для мышления. Важно различать воспоминания и неусвоенные факты — бета-элементы. (Использование терминов «усвоенный» и «неусвоенный» будет разобрано ниже.)

4. Если пациент не может преобразовать свой эмоциональный опыт в альфа-элементы, то он не может грезить. Альфа-функция преобразует усвоенные восприятия в альфа-элементы, которые похожи (а на деле могут быть идентичны) на зрительные образы, знакомые нам по сновидениям, т.е. в те элементы, которые Фрейд рассматривал как производные от их латентного содержания при интерпретации аналитиком. Фрейд показал, что одной из функций сновидения является сохранение сна. Крушение альфа-функции приводит к тому, что пациент не может видеть сны и поэтому не может спать. Так как альфа-функция делает чувственное восприятие эмоционального опыта доступным для сознания и сновидческого мышления, то пациент, который не способен видеть сны, не может ни заснуть, ни проснуться. Следовательно, когда психотический пациент ведет себя так, словно он находится именно в таком состоянии, в клинике наблюдается специфическая картина.

Глава 4

1. Эмоциональный опыт необходимо теперь рассмотреть в целом, а не только процесс его возникновения во сне. Особо хочу подчеркнуть уже сказанное мною, для чего подвергну пересмотру известную теорию ночных кошмаров. В свое время этой теорией пользовались, чтобы показать, что человек видит ночной кошмар по причине несварения и что именно несварение является причиной его панического пробуждения. Моя версия такова: спящий человек впадает в панику; поскольку он не может видеть ночной кошмар, он не может ни пробудиться, ни уснуть; прежде всего он страдает умственным несварением.

2. Более общая теоретическая формулировка состоит в следующем: чтобы опыт был усвоен, альфа-функция должна применяться в процессе осознания эмоционального опыта; альфа-элементы продуцируются на основе восприятия опыта; в результате они запоминаются и становятся доступными для мыслей сновидения, а также для бессознательных мыслей в состоянии бодрствования. Обретение ребенком такого эмоционального опыта, как обучение ходьбе, возможно благодаря действию альфа-функции, сохраняющей этот опыт. Мысли, которые первоначально были сознательными, становятся бессознательными, и таким образом ребенок может проделывать все необходимые для ходьбы мыслительные процедуры без дальнейшего осознания их всех. Альфа-функция необходима для сознательного рассуждения и аргументации, а также для перевода процесса раздумий в бессознательное, когда необходимо разгрузить сознание от мыслей в ходе обретения навыка.

3. Если имеют место только бета-элементы, которые не могут стать бессознательным, то невозможны ни вытеснение, ни подавление, ни обучение. Создается впечатление, что пациент

не способен устанавливать различия. Он не может не замечать все отдельные чувственные стимулы: однако такая гиперчувствительность еще не означает контакта с реальностью.

4. Атаки на альфа-функцию, стимулируемые ненавистью или завистью, разрушают возможность контакта сознания пациента с ним самим или с другими людьми как с живыми объектами. Соответственно, мы слышим неживые объекты, или даже какие-то места, когда мы нормально ожидаем услышать человека. Пациент чувствует, что все это, хотя и описывается словесно, должно существовать материально, а не только обозначаться своими именами. Такое положение противоположно анимизму в том смысле, что живые объекты человек наделяет качествами, которые присущи неживому.

Глава 5

1. Теперь мы должны исследовать вынужденное расщепление, связанное с нарушением взаимоотношений с грудью или ее заменителями. От груди младенец получает молоко и прочие человеческие блага: любовь, понимание, утешение. Допустим, что его побуждению препятствует страх агрессии (собственной или исходящей от других). Если эмоция достаточно сильна, то она налагает запрет на импульсы младенца получить поддержку.

Чувство любви у младенца или у матери, или у них обоих, скорее укрепляет преграду между ними, нежели ослабляет ее,— отчасти из-за того, что любовь неотличима от зависти[1] к столь любимому объекту; отчасти же из-за того, что она возбуждает зависть и подозрение у третьего объекта, который исключен. Роль, которую играет любовь, может быть незаметна, поскольку зависть, соперничество и ненависть затмевают ее (хотя, когда нет любви, нет и ненависти). Неистовость эмоции усиливает препятствие, потому что ярость неотличима от деструктивности и последующего чувства вины и депрессии. Страх смерти от того, что его лишат самого необходимого, заставляет ребенка возобновить сосание. Развивается расщепление между материальным и психическим удовлетворением.

2. Страх, ненависть и зависть настолько сильны, что заставляют предпринимать шаги по разрушению процесса осознания вообще любых чувств, хотя это и неотличимо от принятия жизни как таковой[1]. В то время как чувство реальности — достаточно сильное, чтобы не затопляться эмоциями,— заставляет младенца возобновить сосание, невыносимые зависть и ненависть в ситуациях, которые способствуют возникновению чувства любви и благодарности, приводят к расщеплению, отличающемуся от расщепления, направленного на устра-

нение депрессии. Отличие его от расщепления, вызванного садистическими импульсами, состоит в том, что оно помогает младенцу получить то, что позже в его жизни будет называться материальными благами, но при этом не признавать живой объект, от которого эти блага зависят. Зависть, возбуждаемая грудью, дающей любовь, понимание, опыт и мудрость, создает проблему, которая разрешается путем разрушения альфа-функции. В результате, грудь и младенец выглядят как неживые с вытекающими отсюда виной, страхом самоубийства и страхом убийства, боязнью прошлого, настоящего и будущего. Потребности в любви, понимании и умственном развитии теперь отклоняются, так как их невозможно удовлетворить в погоне за материальными благами. Так как мечты о материальных благах усиливаются, то страстное желание любви остается неудовлетворенным и превращается в высокомерие и ничем не оправданную жадность.

3. Этот раскол, навязанный голодом и страхом смерти от голода, с одной стороны, и любовью и страхом связанной с ней убийственной зависти и ненависти, с другой, вызывает такое душевное состояние, в котором пациент жадно преследует материальные блага в любой их форме; он ненасытен и неумолим в своей погоне за насыщением. Так как это состояние исходит из потребности освободиться от эмоциональных сложностей, связанных с осознанием жизни, а также от взаимоотношений с живыми объектами, то пациент, по-видимому, неспособен испытывать благодарность или заботиться о себе или других. В этом состоянии искренность теряет свою ценность. Так как эти механизмы не позволяют пациенту освободиться от страданий, которые, как он думает, вызваны тем, что ему чего-то недостает, поиск заботы приобретает форму поиска потерянного объекта и заканчивается еще большей зависимостью от материальных благ; и главным для него, должно быть, является не качество, а количество . В результате он окружает себя какими-то странными объектами[1], однако материальный комфорт не доставляет ему радости и не способен удовлетворить его потребности. Ему не достает аппарата (альфа-функции), посредством которого он мог бы понять свое затруднительное положение. Пациент с жадностью и ужасом берет один бета-элемент

за другим и не может представить себе иной деятельности, кроме интроецирования все новых и новых бета-элементов. Изучать в анализе такие проявления — значит ощущать, что пациент никогда не откажется от своего стремления к действию, о бесполезности которого, как можно думать, он никоим образом не может знать. Он думает, что все интерпретации без исключения являются плохими, и тем не менее ему требуются все новые и новые интерпретации. При этом пациент не чувствует, что интерпретации ему требуются для того, чтобы установить с аналитиком такие же отношения, которые были у младенца с материнской грудью, дававшей ощутимую поддержку, мудрость и любовь. Он чувствует, что способен установить только такие отношения, в которых поддержка будет аналогична той, что могут дать неживые объекты; он может воспринимать интерпретации аналитика (которые, как он чувствует, должны быть либо претенциозными, либо содействующими) скорее как то, чем они не являются. Тот факт, что пациент использует для установления контакта с самим собой средства, пригодные лишь для контакта с неживым объектом, помогает объяснить затруднение, вызываемое осознанием пациентом того, что в действительности он является живым[2]. Хотя пациент понимает, что окружение и интерпретации аналитика лишены для него привлекательных черт и что его собственных средств недостаточно для обучения на опыте, в конечном счете ему удается ухватить некоторый смысл того, что ему говорится.

Глава 6

1. О реакциях пациента на материальный комфорт можно судить по его реакциями на материальные удобства (кушетку и другие прелести) консультационной комнаты. Почему он должен иметь больше или меньше «удобств»? Отчасти ответ лежит в расщеплении, понимаемом (в силу усиления разобщенности материальных и психических удобств) как спасение от страха зависти — своей собственной или чужой.

2. Стремление избежать переживания контакта с живыми объектами путем разрушения альфа-функции приводит к тому, что личность оказывается способна строить взаимоотношения лишь с такими аспектами себя, которые имеют сходство с автоматом. Какая бы активность ни заменяла собой мышление, в своем распоряжении она имеет лишь бета-элементы. Бета-элементы годятся только для разрядки (возможно, посредством проективной идентификации). Бета-элементы задействуются процессом разрядки (похожим на мускульные движения, изменения выражения лица и пр.) — тем самым процессом, который, по Фрейду, освобождает личность от накапливающегося напряжения и позволяет не производить изменений в окружении; мускульное движение (например, улыбка) должно иметь иное толкование, нежели улыбка психотической личности. Явления, возникающие в анализе, не соответствуют описанному Фрейдом механизму разрядки напряжения, когда ведущую роль играет принцип удовольствия. Это описание относится к личности, которая в определенной мере является нормальной; личность же, которую описываю я,— в высшей степени ненормальна. Когда ведущую роль играет принцип реальности, а не принцип удовольствия, освобождение личности от добавочного напряжения происходит путем изгнания нежелательных бета-элементов.

Улыбку или какие-то высказываемые слова необходимо толковать как освобождающие мускульное движение, а не как передачу чувств.

Ученый, исследующий живой материал, обнаруживает, что оказывается в положении, аналогичном положению описываемых мною пациентов. Поломка механизма мышления пациента приводит к тому, что его психическое пространство заселяется неживыми объектами. Способность размышлять у всех нас находится в зачаточном состоянии. Поэтому неспособность даже наиболее продвинутых из нас воспользоваться своим мышлением означает, что сфера исследования (все исследования являются в конечном счете научными) ограничивается — вследствие человеческого несовершенства — явлениями, которые обладают свойствами неживого. Мы полагаем, что ограниченность психотического пациента вызвана болезнью, ограниченность же ученого имеет другие причины. Исследование этого предположения проливает свет на болезнь, с одной стороны, и на научный метод — с другой. Ясно, что наши элементарные средства для «думанья» мыслей годятся лишь в тех случаях, когда проблема связана с неживым, однако, когда объектом исследования выступает явление самой жизни, они оказываются непригодными. Столкнувшись со сложностью человеческой психики, аналитик с осторожностью должен использовать даже признанный научный метод; последний может оказаться столь же уязвимым, как и психотическое мышление, несмотря на тщательность разработки этого метода.

Глава 7

1. Если человек переживает эмоциональный опыт во сне или в бодрствующем состоянии и способен преобразовать его в альфа-элементы, то он может либо оставить этот эмоциональный опыт в бессознательном, либо сделать его сознательным. Во сне человек переживает эмоциональный опыт, преобразует его в альфа-элементы и таким образом становится способен мыслить во сне. Тем самым он волен осознать (то есть пробудиться) и описать эмоциональный опыт посредством рассказа, обычно называемого сновидением.

2. Когда человек рассказывает другу свой сон, он преобразует чувственные впечатления от этого эмоционального опыта в альфа-элементы, проявляя тем самым способность к сновидческому мышлению, а значит — к пониманию того, являются ли факты событиями, в которых он участвует, или же они являются его чувствами по отношению к этим событиям, или же и тем, и другим вместе. Он может оставить «спящими» или бессознательными некоторые элементы, которые не могут преодолеть барьер его «сна». Благодаря этому «сну», он может продолжать оставаться бодрствующим, то есть ясно понимать тот факт, что он разговаривает со своим другом, но спящим по отношению к элементам (обычно бессознательным идеям и эмоциям), которые — преодолей они барьер «сна» — захватили бы власть над сознанием.

Сон создает барьер для тех психических явлений, которые могут лишить пациента осознания того, что он разговаривает со своим другом, и в то же время делает невозможным осознание того, что он говорит со своим другом ради овладения своими фантазиями. Попытка психотического пациента отличить одно от другого приводит к рациональной мысли, характеризующейся

недостаточной «резонансностью». Ясное и членораздельное выражение оказывается слишком упрощенным. Оно не имеет обертонов или полутонов смыслов. Это подталкивает слушателя к тому, чтобы сказать: «Ну и что?» Оно не способно пробудить поток мыслей.

3. «Сон» выполняет многие функции цензуры и сопротивления. Эти функции являются не продуктом бессознательного, а инструментами, посредством которых «сон» создает сознание и обособляет его от бессознательного.

Итак, «сон» вместе с альфа-функцией, делающей сон возможным, занимает центральное место в деятельности сознания и бессознательного. От этой деятельности зависит упорядоченность мышления. Теория «сна», основанная на альфа-функции, имеет некоторое сходство с классической психоаналитической теорией сновидения, в которой говорится о цензуре и сопротивлении. Однако в теории альфа-функции цензура и сопротивление необходимы для обособления сознательного и бессознательного, а также для сохранения различия между ними. Это различие является результатом работы «сна», который представляет собой последовательность мыслей сновидения, в свою очередь образованных последовательностью альфа-элементов. Согласно этой теории, способность ко «сну» защищает личность от того, что фактически является психотическим состоянием. Это позволяет объяснить ту настойчивость, с которой сновидение, согласно классической теории, защищает себя от попыток сделать бессознательное сознательным. Внешне такие попытки не отличимы от разрушения способности ко сну в той мере, в какой эта способность связана с различением сознания и бессознательного[1] и с сохранением установленных различий.

Глава 8

1. Теперь я перенесу все, что говорил о структуре сознания и бессознательного, а также о существующем между ними барьере, на некую реальную основу, названную мною «контактным барьером»; Фрейд использовал этот термин для описания нейрофизиологической сущности, впоследствии названной синапсом. В соответствии с этим мое утверждение, что человек должен «снить» себе свой текущий эмоциональный опыт (независимо от того, переживается ли этот опыт во сне или в состоянии бодрствования), переформулируется следующим образом: альфа-функция человека — во сне ли или наяву — преобразует связанные с эмоциональным опытом чувственные восприятия в альфа-элементы, которые объединяются и действуют совместно, принимая форму контактного барьера. Таким образом, этот контактный барьер непрерывно в процессе своего формирования фиксирует моменты контакта и разделения сознательных и бессознательных элементов, а также проводит между ними различие. Природа контактного барьера будет определяться природой источника альфа-элементов и формой их взаимоотношений друг с другом. Они могут действовать согласованно. Они могут собираться вместе. Они могут выстраиваться последовательно, становясь похожими на повествование (по крайней мере в той форме, в какой контактный барьер может обнаруживать себя в сновидении). Они могут организовываться логически. Они могут выстраиваться геометрически.

2. Термин «контактный барьер» обозначает установление контакта между сознанием и бессознательным, а также выборочный переход элементов из одного в другое. От характера контактного барьера будет зависеть переход элементов из сознания в бессознательное и наоборот. К исследованию сновидений мы

можем обращаться непосредственно, поэтому сегодня (как и во времена Фрейда) они сохраняют свое первостепенное значение в психоанализе.

Характер перехода из сознания в бессознательное и наоборот, а значит и характер контактного барьера и составляющих его альфа-элементов определяет память и свойства любого конкретного воспоминания.

3. На практике теория функций и теория альфа-функции позволяют делать интерпретации, которые наглядно демонстрируют, что пациент ощущает наличие чувств, но не может извлечь из них урок; имеет ощущения, некоторые из которых чрезвычайно слабые, но не может извлечь урок также и из них. Стремление избежать каких-то переживаний, как можно увидеть, сосуществует с неспособностью отвергнуть или проигнорировать стимулы. Чувственные восприятия имеют определенное значение, но пациент не способен понять, в чем оно состоит.

4. Интерпретации, строящиеся на основе этих теорий, по-видимому, влияют на способность пациента к размышлению и, следовательно, к пониманию. Такая реакция сама по себе является весьма специфической (принимая во внимание исследуемые явления), чтобы требовать объяснения. Прежде всего может показаться, что природа трудностей, если их действительно тщательно описать, исключает возможность того, что пациент сможет постичь описание. Это затруднение можно преодолеть путем прояснения различных степеней бессилия. С точки зрения техники было бы заманчиво, если бы реакция пациента на интерпретации, основанные на использовании теории функций, альфа-функции и контактного барьера, несла в себе некоторые элементы доказательства того, что эмоциональное переживание (реализация) приближается к этим теоретическим концепциям. С научной точки зрения, валидность теории могла бы быть затем подтверждена корреляцией между свидетельством того, что способность к размышлению усиливалась благодаря анализу, и свидетельством в пользу существования реализации, соответствующей абстрактному теоретическому построению. На деле, когда предлагается интерпре-

тация, то имеет место «эхо»-эффект, который подкрепляет идею о том, что теоретическое понятие контактного барьера имеет соответствующую реализацию. Обсуждение этого вопроса лежит вне рамок разбираемой темы, и я оставляю его до следующего раза.

В главах 3–8 я воспользовался понятием альфа-функции, чтобы заполнить брешь в моем понимании того состояния сознания, с которым встречаешься в клинической практике и которое я хотел описать. Таким образом я смог продвинуться в своих рассуждениях дальше, не дожидаясь открытия неизвестных фактов и не делая утверждений, которые могли бы создать впечатление, что факты эти уже известны.

Теперь я должен продемонстрировать, как теория функций используется в качестве инструмента в аналитической работе. Я приведу примеры основных реализаций, на основе которых была построена теория, и перейду к примерам реализаций, которые были неизвестны в период построения теории, но впоследствии обнаружили свою близость к ней. К сожалению, при такой логике объяснения материал невозможно использовать так, чтобы не искажать при этом фактов. В следующей главе акцентируется базовый эмоциональный опыт, на основе которого строилась теория. Описываются элементы, которые легли в основу абстракций, однако они настолько смешаны с множеством других, что мы не можем требовать от описания качеств, которые присущи продукту научной деятельности.

Глава 9

1. Некоторые пациенты, с которыми я работал, имели отчетливо выраженные симптомы нарушения способности к мышлению. В курсе терапии возникали благоприятные возможности (которые использовались) для ортодоксальных интерпретаций переноса, однако пациенты часто не извлекали из них никакого урока. Поток бессвязных ассоциаций продолжался. Интерпретации, основанные на теориях анального эротизма в различных его формах, на теориях, исходящих из потребности пациента представлять свою личность, обходя те элементы, которые воспринимаются им как бесполезные и от которых, в силу этого, он может позволить себе освободиться, на теориях расщепления, проективной идентификации, защиты от угрозы и т.п., имели лишь малый эффект. Имели место признаки замешательства, которые я научился связывать с проективной идентификацией. Я предполагал, что являюсь вместилищем здоровой части личности пациента или непсихотической ее части. Потом я решил, что дальнейшие интерпретации, основанные на этих теориях, похоже, не достигают никаких полезных целей. Я пересмотрел допущение, что являюсь вместилищем непсихотической части личности пациента, после чего стал думать, что я осознаю происходящее, в то время как он — нет. Я был (вмещал) его «сознанием». Иногда я мог мысленно представить себе разворачивающуюся в анализе ситуацию таким образом, словно пациент был ребенком, находящимся в утробе матери. Ему передавались материнские эмоции, однако стимулы, вызывающие эмоции, а также их источники были неизвестны (см. ниже «создание модели», стр. 86). В другой раз мне казалось, что у пациента есть зачаточное представление о том, что происходит, но не имеется представления относительно своих чувств. Я не буду описывать

здесь вариации на эти темы, поскольку по существу они ничем не отличаются от описанных М. Кляйн, Г. Розенфельдом и др. Проблемой, ждущей своего разрешения, которую я сейчас разбираю, является проблема определения того, какую часть пациента вмещал в себя я. Теория функций предлагает решить данную проблему, выдвинув предположение о том, что я вмещал в себя неизвестную функцию его личности, и исследовать приобретаемый на сессии опыт для разгадки того, что же это могло быть. Фрейдовская теория, рассматривающая сознание как чувственный орган восприятия психических качеств, предполагает, что между сознанием и психическим качеством происходит разделение. Это предположение доказало свою продуктивность, но только для одной или двух сессий. Потом я обнаружил, что нахожусь в том же самом, или примерно в таком же положении, что и раньше. Я продолжал думать о проблеме, как о чем-то, что можно решить, опираясь на теоретические понятия переноса и проективной идентификации, то есть думал о том, что именно чувствовали пациенты под моим пристальным наблюдением и вместилищем каких частей их личности я предположительно являлся. Согласно теории переноса и проективной идентификации, возникающий материал можно рассматривать как связующее звено между пациентом и аналитиком, и я могу его интерпретировать способом, описанным в «Атаках на связи». Интерпретации имели некоторый успех, однако я не чувствовал, что изменения связаны с тем разъяснением, которое давали интерпретации. Потом мне пришло на ум, что пациент делал то же, что раньше я описал как «сновидение» непосредственных событий в анализе, то есть преобразовывал чувственные восприятия в альфа-элементы. Эта идея, по видимому, иногда что-то объясняла, но динамичной она становилась только тогда, когда я связывал ее с *несовершенной* альфа-функцией, то есть в тот момент, когда я понимал, что являюсь свидетелем неспособности пациента видеть сны вследствие отсутствия альфа-элементов и, в силу этого, его неспособности уснуть или проснуться, быть сознательным или бессознательным.

2. Этим можно объяснить то, почему, олицетворяя сознание, я был неспособен выполнять функции сознания, а пациент, как «бессознательное», был не способен выполнять функции

бессознательного. (Ради простоты я предположил, что такое разделение функций оставалось неизменным, однако на самом деле это не так — роли взаимно менялись.)

3. Сейчас эта ситуация не соответствует предложенным мною теоретическим рамкам, а именно теории контактного барьера, обязанного своим существованием распространению альфа-функцией альфа-элементов и выполняющего роль мембраны, которая, благодаря своему строению и проницаемости, разделяет психические явления на две группы, одна из которых выполняет функции сознания, а вторая — функции бессознательного.

4. В новой ситуации имеет место некое деление на виды деятельности аналитика и пациента, которое никак не препятствует переходу элементов из одной области в другую. Это деление не соответствует структуре сознания и бессознательного и поэтому приводит к несовершенному и аномальному развитию способности вспоминать и вытеснять. Различие между этими двумя состояниями происходит из различия между контактным барьером, состоящим из альфа-элементов, и контактным барьером, состоящим (если правильно будет так сказать) из бета-элементов. Этот последний (запомним его), по-видимому, обладает недостаточной способностью устанавливать связь со всем остальным. В клинике экран из бета-элементов представляет собой при поверхностном взгляде состояние, ничем не отличающееся от состояния спутанности и, отчасти, от любого другого состояния этого вида, похожего на сон, а именно: 1. Излияние бессвязных фраз и образов, которые (если пациент спал) свидетельствуют о том, что пациент видел сон. 2. Похожее излияние, но выраженное таким способом, который предполагает, что пациент притворяется спящим. 3. Спутанное излияние, которое, кажется, свидетельствует о галлюцинации. 4. Излияние, похожее на (3), но предполагающее галлюцинацию сна. У меня нет оснований полагать, что пациент может видеть сновидение о том, как он галлюцинирует. Все четыре состояния связаны со страхом того, что в депрессивной позиции придется низвергать жестокое Супер-Эго, и, следовательно, с потребностью в том, чтобы этот эмоциональный опыт был пережит в присутствии аналитика. В клинике экран из бета-элементов, о котором я уже упоминал, внешне очень похож на любой из этих четырех классов и, возможно, идентичен им.

5. Сравнение экрана бета-элементов и состояний спутанности, напоминающих сон, показывает, что экран бета-элементов должен быть связным и служить определенной цели. Интерпретация, что пациент изливает поток материала, стремясь разрушить психоаналитическую силу аналитика, по-видимому, вполне уместна. Столь же подходящей может быть интерпретация, что пациент, скорее, озабочен удержанием информации, а не тем, чтобы делиться ею. Характерной чертой данной ситуации является обилие интерпретаций, которые приходят на ум любому человеку в связи с каким-то обыденным ощущением. Однако при этом они не приходят на ум пациенту. Этим интерпретациям обыденных чувств свойственно то, что все они воспринимаются как обвиняющие или, наоборот, хвалебные,— словно специально созданы с целью уверить пациента в его добродетели вопреки фактам. Это не случайно: вероятно, не легко утверждать это вопреки фактам. Приходишь к удивительному и неожиданному выводу, а именно, что экран бета-элементов (назову его для краткости бета-экран) обладает свойством вызывать положительную ответную реакцию на желания пациента или, наоборот, реакцию аналитика, имеющую сильный заряд контрпереноса. Чтобы обе эти возможности стали значимыми, их необходимо тщательно исследовать.

Глава 10

1. Благодаря бета-экрану, психотический пациент имеет возможность вызывать эмоции у аналитика; его ассоциации являются элементами бета-экрана, направленными на то, чтобы вызвать интерпретации или другие ответные реакции, которые, скорее, связаны с потребностью пациента произвести эмоциональное вмешательство, чем с потребностью в психоаналитической интерпретации[1]. Теория контрпереноса предлагает лишь отчасти приемлемое объяснение, так как манифестация интересует ее лишь с точки зрения симптоматических проявлений бессознательных мотивов аналитика, а участие пациента остается без рассмотрения. Во-первых, пациент, который рассматривается в этой теории, не четко выражает свои мысли; он совершенно искренно демонстрирует неспособность понимать собственное психическое состояние, даже когда ему на него указывают. Использование им слов гораздо ближе не речи, а действию, направленному на «облегчение психики от добавочного раздражения». Во-вторых, он не способен манипулировать аналитиком так, как это делает невротик. Бета-элементам присуща своя логика. Используемый мною язык описания динамической ситуации приводит к искажению, поскольку является научным языком, разработанным для изучения неживого. Это искажение затрагивает и мое утверждение о согласованности некоторых свойств бета-элементов. Правильнее было бы сказать, что динамическая ситуация эволюционирует и что ее эволюции мешает появление определенного качества — такого, которое охватывает и согласует все большее число элементов. Замена контактного барьера на бета-экран — это живой процесс. Наблюдения аналитика (в силу причин, связанных с природой чередования параноидно-шизоидной и депрессивной позиции) привносят в аналитическую

ситуацию элементы, которые делают ее развитие похожим на переход от серии дискретных частиц или элементов к синтезу этих элементов. Смена одного на другое похожа на то, как одно суждение сменяется другим, когда мы рассматриваем изображение с разных точек зрения.

2. Анализируемый вносит в альфа-функцию такие изменения, которые можно представить как изменение направления ее действия[1]. Вместо преобразования чувственных восприятий в альфа-элементы с тем, чтобы использовать их в мыслях сновидения и для бессознательного мышления в бодрствующем состоянии, развитие контактного барьера заменяется его разрушением. Это происходит в результате полного аннулирования альфа-функции, так что контактный барьер, а также мысли сновидения и бессознательное мышление в бодрствующем состоянии (составляющие контактного барьера) преобразуются в альфа-элементы, лишенные[2] всех качеств, отличающих их от бета-элементов, после чего они проецируются, образуя таким образом бета-экран.

3. Аннулирование альфа-функции означает распад контактного барьера, и это полностью согласуется с процессом формирования объектов, обладающих свойствами уже описанных мною странных объектов. Соответствие могло бы быть значительно больше, если бы мы, невзирая на мое предупреждение о недопустимости рассмотрения контактного барьера (функции) и Эго (структуры) как взаимозаменяемых и обозначающих одно и то же терминов, считали, что аннулирование альфа-функции действительно влияет на Эго и потому не просто вызывает возврат к бета-элементам, а продуцирует объекты, важное отличие которых от оригинальных бета-элементов состоит в отсутствии у них оттенков связанной с ними личности. Отличие странного объекта от бета-элемента состоит в том, что странный объект является бета-элементом, отмеченный следами Эго и Супер-Эго. Обращение альфа-функции разрушает связанную с ней структуру.

4. Разберем использовавшиеся до сих пор термины: (1) Эго — это такая структура, которая, согласно Фрейду, является результатом особого развития Ид и выполняет функцию обеспечения контакта между психической и внешней действительностью.

(2) Название альфа-функция дано абстракции, используемой аналитиком для описания функции, природа которой ему неизвестна до тех пор, пока он не сможет заменить ее факторами, к которым, как он убедился в процессе исследования, он применяет альфа-функцию. Это название соответствует функции (к которой относится и функция Эго) нескольких факторов, преобразующей данные органов чувств в альфа-элементы. Альфа-элементы включают в себя зрительные образы, слуховые паттерны, обонятельные паттерны, а также все, что подходит для использования в мышлении сновидения, бессознательном мышлении в состоянии бодрствования, в снах, контактном барьере и памяти. В клинике странный объект с присущими ему свойствами Супер-Эго лучше всего подходит в качестве обозначения реализации, соответствующей понятию бета-элемент. Однако понятие бета-элемент включает только чувственные впечатления — одно из них как бы является частью переживающей его личности, а другое является как бы той вещью-в-себе, которой оно соответствует.

Необходимо отметить, что альфа-функцию можно рассматривать как структуру или часть психического аппарата, создающую контактный барьер. В свою очередь, контактный барьер может рассматриваться (и данное мною название указывает на это) как обладающий характерными структурными признаками. Это вновь возвращает нас к проблеме, присущей дифференциации Эго, сознания и альфа-функции, причем стоит отметить важную особенность психоаналитического исследования, а именно: использование понятий, относящихся к объектам, которые иногда мы должны рассматривать так, как если бы они были машинами, то есть, так сказать, неживыми, а иногда — как если бы они были функциями, которые (поскольку мы имеем дело с человеческими существами, а не с машинами), несомненно, должны обладать качествами живого. В случае альфа-функции (используемой в качестве неизвестного при соотнесении с реализацией, которая из неизвестной становится известной) имя, данное этим объектам, должно показывать, рассматриваем ли мы объект в его функциональном или структурном качестве, или же мы рассматриваем его как абстракцию.

Можно ожидать, что контактный барьер будет обнаруживать себя в клинике, но на самом деле он проявляет себя во всем — как

нечто, напоминающее сновидение. Как мы видели, контактный барьер позволяет взаимоотношениям установиться и поддерживает убеждение в их реальности — в том, что они подчиняются законам природы. При этом такое видение не затопляют эмоции и фантазии, поднимающиеся из глубин психики. И, наоборот, он защищает эмоции, имеющие эндопсихическое происхождение, от затопления их реалистическим видением. Поэтому контактный барьер отвечает за установление и сохранение различия между сознанием и бессознательным. Таким образом бессознательное сохраняется. Оно задействуется альфа-функцией, оперирующей альфа-элементами, которые необходимо хранить в памяти, но при этом удерживать от вторжения в сознание в случаях, когда их влияние на способность человека схватывать обстановку внешней реальности приводило бы к ощущению несоответствия или нарушению последовательного мышления.

Глава 11

1. Теория функций и теория альфа-функции в какой-то мере делают возможным дальнейший вклад в понимание процессов мышления. Я рассмотрю природу и функцию мышления во всех тех ситуациях, которые, как кажется, должны быть характерны для первых лет жизни человека (или глубинных уровней его текущей жизни), в которых можно обнаружить качества, связываемые нами с мышлением. Фрейд в своей работе «Положения о двух принципах функционирования психики» говорит: «Ставшая необходимой задержка двигательной разрядки (действия) осуществлялась процессом *мышления*, возникшим из способности формировать и воспринимать идеи. Мышление приобрело свойства, благодаря которым душевный аппарат мог сохранять повышенное возбуждение на период задержки процесса разрядки. По существу это есть пробное действие, сопровождающееся перемещением меньших количеств катексиса (нагрузки) при меньшей затрате (разрядке) последнего». И продолжает: «Для этого стал необходимым перевод свободно перемещаемого катексиса в связный — и это последнее достигалось через поднятие общего уровня всего процесса катексиса». Он продолжает: «Возможно, что первоначально мышление было бессознательным, поскольку возвышалось над простыми представлениями, способными формировать и воспринимать идеи, и обращалось к отношениям между впечатлениями от объектов; оно получило дальнейшие для сознания ощутимые свойства только через связь с остатками слов». В утверждении Фрейда подразумевается, что неспособность терпеть фрустрацию вызывает напряжение (а затем его разрядку) и задействует мышление, заполняя интервал между потребностью в освобождении психики от добавочного раздражения и действительной разряд-

кой. Связь между непереносимостью фрустрации и развитием мышления является центральной для понимания мышления и его нарушений. Фрейд в своем утверждении предполагает, что принцип реальности следует за принципом удовольствия; это утверждение необходимо поправить и сделать оба принципа существующими одновременно. Я не буду обсуждать это сейчас, отмечу лишь, что нетерпимость к фрустрации может быть чрезмерной, то есть характеризоваться количественным изменением, которое становится почти одним из качеств. Давайте теперь предположим, что нетерпимость к фрустрации близка голоду; предположим далее, что удовлетворение голода невозможно по причине действия других присущих личности факторов — таких, как страх, жадность, зависть,— которые не позволяют груди или ее эквивалентам каким-либо благоприятным образом удовлетворить завистливого человека. В такой ситуации жадность может интенсифицироваться и тем самым вызывать нетерпимость к фрустрации; эффект может быть во многом такой же, как и в случае, когда личности свойственна чрезмерная нетерпимость к фрустрации. Имеет ли значение первичность или вторичность нетерпимости к фрустрации или любой другой динамической характеристике? Ответ на этот вопрос определяет предел любого терапевтического воздействия на вторичные факторы, вызывая изменения в личности, так как первичные факторы не могут быть изменены.

Похоже, из клинических свидетельств потребности ребенка в материальной и психологической поддержке следует, что младенец не способен проводить различие между материальным и психологическим. В анализе, тем не менее, есть возможность сделать заключение о том, какое качество — физическое или психологическое — было недостаточно поддержано. Неважно, сколь рано такой недостаток возник и к чему он привел,— он будет ощущаться как реальный и требовать реального удовлетворения, то есть, раз возникнув, будет требовать устранения беспокойства. Для психоаналитика важен выбор между *процедурами, нацеленными на избегание фрустрации, и процедурами, нацеленными на ее изменение. Это решение является кардинально важным.*

Существует другой способ классификации применяемых процедур, например, путем разделения их на те, которым в конечном

счете предопределено проявлять себя как представители класса мускульных действий (в основном физические движения), и на те, которым предопределено развиваться таким образом, что они в конечном счете классифицируются как относящиеся к сфере мышления. Тот факт, что решение связано с такой предельной классификацией, является важным, но сейчас я бы хотел сосредоточить внимание на явлениях, генетически связанных с сосуществованием внутри личности переживания фрустрации, нетерпимости к переживанию фрустрации, соответствующих эмоций и решения, которое возникает на основе такой взаимной сцепленности элементов.

Глава 12

1. Активность, известная нам как «мышление», первоначально была процедурой, направленной на освобождение психики от добавочного раздражения, и механизм, лежащий в ее основе, был описан Мелани Кляйн как проективная идентификация. Эта теория включает признание всемогущественной фантазии о возможности отколоть временно нежелательные (хотя иногда и значимые) части личности и вложить их в объект. На практике можно (и желательно в интересах терапии) замечать и интерпретировать моменты, подкрепляющие данную теорию. В данной теории эти моменты объясняются способом, отличным от тех, что использует любая другая теория.

2. Можно также — и это действительно важно — обнаружить свидетельства того, что пациент, в поведении которого отмечено действие этой всемогущей фантазии, способен на такое поведение в реальности, которое является аналогом этой фантазии. Пациент, даже находясь в стороне от жизни, имеет достаточный контакт с реальностью, чтобы суметь пробудить в матери нежелательные или желательные для него чувства. Чтобы привести теорию в соответствие с клиническими открытиями, я предложил исправить фрейдовскую теорию принципа удовольствия и рассматривать принцип реальности как действующий и существующий наряду с принципом удовольствия. Например, попытку воплотить всемогущую фантазию в реальность можно наблюдать в поведении пациента, стремящегося заставить других чувствовать, что он способен убить своих сексуальных родителей, чтобы чувствовать себя способным к любовным сексуальным отношениям, свободным от страха, что он убьет своего партнера и себя, если (имей он склонность действовать) обнаружит у себя и у партнера признаки взаимной

сексуальной страсти. Я полагаю, что в крайней своей форме это может даже привести к убийству, как к способу осуществления (в реальном мире) всемогущей фантазии проективной идентификации, которая без этого действия осталась бы всего лишь всемогущей фантазией.

3. Существуют примеры гораздо менее драматические и, вследствие этого, требующие от аналитика некоторой проницательности для их обнаружения. Важно, чтобы аналитик их замечал. Иными словами, он должен замечать и интерпретировать действие фантазии как психического феномена, выводимого на основании свидетельств, и видеть признаки того, что пациент в достаточной мере приспособлен к реальности и в состоянии манипулировать своим окружением таким образом, чтобы фантазия проективной идентификации воплотилась в реальности.

4. Чем больше этого реалистического компонента содержится в доказательстве (и может быть представлено в виде доказательств пациенту), тем больше возможность оценить степень серьезности болезни и то, в какой мере признанный больным пациент находится в контакте с реальностью (хотя реальность не всегда известна даже более развитым индивидам).

5. Умение пациента приспособить свою всемогущественную фантазию проективной идентификации к реальности непосредственно связано с его способностью терпеть фрустрацию. Чем меньше он может терпеть фрустрацию, тем меньше воплощение всемогущественной фантазии проективной идентификации будет иметь реальных оснований. Это вносит свой вклад в состояние, описанное Мелани Кляйн как *чрезмерная* проективная идентификация. Чрезмерность, тем не менее, должна быть изучена здесь более внимательно. Чрезмерной проективная идентификация может казаться вследствие того, что пациент побуждает аналитика к осознанию ее в результате тех реальных шагов, которые предпринимаются пациентом, чтобы заставить аналитика реально переживать эмоции, которые пациент сам не желает испытывать (М. Кляйн). *Такая* чрезмерность должна быть четко отграничена от чрезмерной проективной идентификации, использующей всемогущественную фантазию как форму бегства от реальности и, в частности, от нежелательных чувств. Но проективная идентификация не может существовать

без своей противоположности, а именно — без интроективной активности, направленной на аккумулирование хороших внутренних объектов.

6. Давайте теперь предположим, что в реальности грудь питает младенца не только молоком, но также и ощущениями безопасности, тепла, благополучия и любви. Давайте предположим далее, что младенец нуждается — я сознательно избегаю говорить «желает» — в том, чтобы самому обладать молоком и соответствующими ощущениями. Мы можем провести различие между молоком и любовью с помощью соответствующей классификации или выделить (если это нам подходит) схожие между ними качества. Таким образом, мы можем сказать, что молоко является материальной субстанцией и относится к кормлению, и считать, что оно используется пищеварительным трактом. С другой стороны, любовь мы можем рассматривать как нематериальную, хотя и сравнимую с молоком, субстанцию, необходимую для психического благополучия[1] ребенка. Мы можем отнести ее к одной или нескольким различным категориям, предоставляемым в наше распоряжение философией, религией и другими дисциплинами. Единственным аргументом в пользу ограничения классификации одной дисциплиной является стремление к большей простоте. Будем ли мы использовать философские, религиозные, эндокринологические концепции или концепции, привлекающие нейропсихологию — относительно них останется в силе то же возражение, а именно, что мы используем описания известных состояний психики для описания неизвестных явлений (или реальностей, рассматриваемых нами как копии этих явлений), относительно которых мы, однако, полагаем, что корректно их наблюдаем и приписываем младенцу. Два взрослых могут подразумевать под словом «любовь» совершенно различные вещи, кроме того, это слово я должен использовать для описания части того, что полагаю относящимся к опыту переживаний младенца (я включил нехватку любви). Таким образом ясно, что существуют два главных, немедленно обнаруживающих себя, источника ошибки: один — это семантический недостаток, который должен быть преодолен в ходе обсуждения проблемы взрослыми, и другой — научная правильность атрибутирования младенческому переживанию модифицированного, уже распознанного, подобного переживания.

7. Молоко (мы можем допустить с той степенью уверенности, которую мы не можем чувствовать, говоря о любви) принимается и перерабатывается пищеварительным трактом; но какой «орган» воспринимает и перерабатывает любовь? Вопрос может быть недостаточно продуманно сформулирован и поэтому обязательно приведет к ошибке, если только мы не рассматриваем ситуацию, включающую также и мать. Точно так же, как младенец принимает молоко и усваивает его пищеварительной системой, мать обеспечивает этот процесс посредством железистой системы; кроме того, известно, что молоко может не появиться, и это может быть связано с эмоциональным расстройством. Также можно предположить, что младенец страдает нарушением пищеварения, вызванным эмоциональным расстройством. Полезным может оказаться предположение, что в действительности существует психо-соматическая грудь и соответствующий груди психо-соматический пищеварительный тракт младенца[1]. Эта грудь является объектом потребности младенца в получении молока и хороших внутренних объектов. Я не приписываю младенцу понимание этой потребности; но я приписываю ему понимание неудовлетворенной потребности. Мы можем сказать, что младенец ощущает фрустрацию, если предположим существование некоторого аппарата, переживающего фрустрацию. Фрейдовская концепция сознания, в которой он рассматривается «как орган чувств для восприятия психических качеств», предлагает такой аппарат.

8. В качестве аналитика, осуществляющего терапию взрослого пациента, я могу сознавать что-то из того, чего не осознает пациент. Похожим образом мать может замечать психическое состояние своего младенца, прежде чем младенец сможет его осознать, как, например, в случае, когда ребенок демонстрирует потребность в пище прежде, чем он сможет осознать эту потребность. В такой воображаемой ситуации потребность в груди является чувством, и само это чувство является плохой грудью; младенец не чувствует, что он хочет хорошую грудь, но он реально чувствует, что хочет избавиться от плохой груди.

9. Представим себе кормление младенца. Принятие молока, тепла и любви может ощущаться как принятие хорошей груди. Этот процесс может нарушиться. При господстве плохой груди

(сначала не стоящей в оппозиции) «принятие» пищи может идти нормально, поскольку может быть не отличимо от опорожнения плохой груди. Хорошая и плохая грудь ощущаются столь же конкретно и реально, как и молоко. Рано или поздно «желанная» грудь станет ощущаться как «идея утраченной груди», а не как присутствие плохой груди. Можно видеть, что плохая (то есть желанная, но отсутствующая) грудь гораздо более, похоже, готова стать сознаваемой в качестве идеи, чем хорошая грудь, которая ассоциируется с тем, что философ бы назвал вещью-в-себе или вещью-в-фактическом-своем-существовании (thing-in-actuality), в том смысле, что хорошая грудь зависит от наличия молока, которое младенец реально принял. Хорошая грудь и плохая грудь (одна ассоциируется с реально существующим молоком, утоляющим голод, а другая — с отсутствием этого молока) должны иметь различные психические свойства. «Мысли являются помехой,— сказал один мой пациент.— Я не желаю их». Является ли «мысль» тем же, что и отсутствие вещи? Если нет «вещи», то является ли «отсутствие вещи» (“no thing”) мыслью, и является ли это следствием факта, что о наличии «отсутствия вещи» человек узнает по тому, что «оно» (отсутствие) является мыслью? Прежде чем рассматривать далее то, как это качественное различие может быть установлено, я предложу другую ситуацию. Давайте представим себе младенца, получающего пищу, но нелюбимого. Снова он осознает потребность в хорошей груди и снова эта «потребность в хорошей груди» является «плохой грудью», от которой необходимо освободиться. Различные ситуации данного типа будут ставить проблемы, требующие разных решений. В моем первом примере, в котором можно было предположить, что младенец чувствует «потребность в груди», плохая грудь изгонялась, когда он двигался во время принятия молока; в данном случае это могло ассоциировать физический акт с тем результатом, который мы бы назвали переходом психики младенца из состояния неудовлетворенности в состояние удовлетворения. Если верно предположение, что главный вопрос — выделение психического качества, и если сознание по праву рассматривается как орган чувств, воспринимающий психические свойства, то трудно понять, каким образом сознание начинает жить. Это, понятно, не заставит нас

утверждать, что младенец осознает психические качества и преобразует эмоциональный опыт в альфа-элементы, ибо, как я уже говорил, существование сознания и бессознательного зависит от предшествующего создания альфа-элементов альфа-функцией. Мы должны предположить, что хорошая грудь и плохая грудь являются эмоциональными переживаниями. Физический компонент (молоко, дискомфортная ситуация или наоборот) может быть немедленно обнаружен чувственно, и поэтому мы можем согласиться с хронологическим предшествованием бета-элементов альфа-элементам. Психический компонент (любовь, защищенность, тревога), в отличие от соматического, требует существования процесса, аналогичного пищеварению. Что это может быть, сокрыто в концепции альфа-функции, но значение может быть найдено посредством психоаналитического исследования. Например, если мать любит своего младенца, что она делает с ним? Если не считать физических аспектов общения, у меня создается впечатление, что ее любовь выражается посредством мечтаний.

10. Хотя трудности проникновения в психику взрослого в процессе анализа велики, они несколько меньше, чем трудности проникновения в психику младенца посредством спекулятивных гипотез; изучение мечтаний взрослого может позволить нам углубиться в эту проблему. На основе мечтаний (как психологического источника удовлетворения потребностей младенца в любви и понимании) мы можем сделать вывод о том, каким должен быть тип психологического органа восприятия при условии, что младенец способен извлекать пользу из мечтаний точно так же, как он способен (благодаря способности пищеварительного тракта переваривать пищу) извлекать пользу из груди и даваемого ею молока. Выражаясь иначе (полагая, что альфа-функция делает доступным для младенца то, что в другом случае осталось бы — подобно бета-элементам — недоступным для любых других целей, кроме цели освобождения), что является *факторами* той функции, которая имеет непосредственное отношение к способности матери мечтать?

11. Способность матери мечтать рассматривается здесь как неотъемлемая часть удовлетворения, ибо ясно, что одно зависит от другого. Если кормящая мать не может позволить себе

мечтать или если мечтание допускается, но оно не связывается у ребенка или его отца с любовью, то этот факт будет передаваться младенцу, даже несмотря на то, что он непостижим для него. Психическое свойство будет придаваться каналам общения — связям с ребенком. Что произойдет дальше, будет зависеть от природы этих материнских психических качеств и их влияния на психические качества младенца, так как влияние одних на другие является эмоциональным опытом лишь при условии (с точки зрения развития пары и составляющих ее индивидуумов) их преобразования альфа-функцией. Термин мечтание может быть использован в любом значении. Я бы хотел закрепить его исключительно за таким значением, которое наполнено любовью или ненавистью. Используемое в этом узком смысле понятие мечтание обозначает такое состояние психики, которое открыто для получения любых «объектов» от любимого объекта и поэтому способно к восприятию проективных идентификаций младенца вне зависимости от того, ощущаются они младенцем как хорошие или как плохие. Короче, мечтание является фактором альфа-функции.

12. Вернемся теперь к младенцу, вмещающему в себя[1] «потребность в груди», которая, как я говорил, является чувством, что потребность — это «плохая грудь”[2]. Эта плохая грудь должна быть преобразована в хорошую грудь. Младенец, способный терпеть фрустрацию, может позволить себе обладать чувством реальности и подчиняться принципу реальности. Если его нетерпимость к фрустрации выходит за определенные рамки, то запускаются механизмы всемогущества, а именно — проективная идентификация. Она может по-прежнему рассматриваться как реалистичная, если предполагается, что способность мыслить понимается как средство смягчения фрустрации, при доминировании принципа реальности. Ее эффективность зависит от способности матери мечтать. Если мать не способна к этому, то далее бремя возлагается на способность младенца терпеть фрустрацию, так как теперь испытывается его способность терпеть фрустрацию самой мысли. Здесь я предполагаю, что проективная идентификация является ранней формой того, что позже будет называться способностью к мышлению. Младенец, обладающий выраженной способностью терпеть фрустрацию,

способен пережить тяжелое испытание, когда мать не может мечтать и, значит, удовлетворять его психические потребности. В другом крайнем случае младенец, который явно неспособен терпеть фрустрацию, не может пережить без срыва опыт проективной идентификации даже с матерью, способной мечтать; кормление грудью должно стать для него непрерывным, а это (если на то нет другой причины) невозможно при отсутствии аппетита. Таким образом, мы подошли к психической жизни, не прибегая к теориям, разработанным с целью понимания неврозов. Я предлагаю не проводить это исследование прямо сейчас и ограничиться тем, что имеет отношение к альфа-функции.

Глава 13

1. Чтобы эффективно применять альфа-функцию, необходимо иметь возможность рассматривать ее как константу, значение которой неизвестно. Она обладает гибкостью, и гибкость эта возникает вследствие использования переменных в качестве факторов, которые могут заменяться, как я отмечал раньше, теориями и понятиями, имеющими определенную (фиксированную) ценность. Значения, присвоенные переменным (факторам), должны являться подлинными константами, и если уж их величина зафиксирована, то значение альфа-функции зафиксировано тоже. На практике даже приближение к точности возможно только в случае, если фактор будет ясно описан или (в случае теории) корректно цитирован[1].

2. В качестве примера попытки точного формального описания я возьму альфа-функцию и два фактора: чрезмерную проективную идентификацию и крайне плохие объекты. Допустим, что в курсе анализа (чтобы исключить другие наблюдаемые аналитиком факторы) принимаются эти два фактора. Если психоаналитическая теория построена рационально, то должна существовать возможность сослаться на оба фактора посредством символов, которые были бы частью системы ссылок, применяющейся единообразно и всеми. Ссылки на кляйнианскую теорию могут осуществляться посредством инициалов, ссылок на страницу и параграф. Аналогично фрейдовское представление о внимании может быть заменено ссылкой. На деле это можно осуществить, хотя и грубо, посредством ссылки на страницу и строку стандартного издания уже сейчас. Такое утверждение может быть сведено к явной манипуляции (более или менее изобретательной) символами с использованием произвольных правил. При условии, что аналитик сохраняет

смысл фактологического основания, на которое подобная формулировка указывает, желательно мыслить точно и строго, что требуется при попытке сжато представить фактический клинический опыт в виде такой абстрактной системы обозначений. Кроме того, аналитик может видеть, глядя на свои формулы, какие теории он использует, а какими он пренебрегает. Из того, чем он пренебрегает, можно сделать вывод о том, что либо его психоаналитическая броня истощилась, либо определенные психоаналитические теории не выдержали — согласно его опыту — испытания на клиническую полезность. В любом случае это должно стать важным инсайтом. Формула дает сжатый обзор сессий за определенный период. Она должна показывать, каким образом один обзор связан с другим и, следовательно, предсказывать (посредством ссылок на теоретические дедуктивные системы), в каких из них данные факторы возникают как гипотезы или предпосылки развивающихся аналитических ситуаций. Альфа-функция может иметь особую важность для аналитика в данном аналитическом случае, но из этого не следует, что так будет продолжаться или что эта функция будет иметь все ту же значимость в последующие недели. Из последующей группы сессий может стать ясным, что предположение о существовании плохих объектов проявляется в форме завистливой недооценки хорошего объекта. В этом случае формальное представление будет отражать изменение факторов. В течение следующей недели альфа-функция или какая-то другая функция может вообще не быть особо важной, а ее место могут занять другие факторы и другая функция. Принцип же применения теории функций остается тем же самым вне зависимости от функции и от факторов, функцией которых она является.

3. Для прояснения определенных моментов аналитику необходимо составить список используемых им психоаналитических теорий, с четким указанием источников, страниц и параграфов.

4. Способность аналитика запоминать, что говорил пациент, должна быть тесно связана со способностью забывать так, чтобы факт новизны любой сессии (и, в силу этого, неизвестности ситуации, которая должна быть исследована психоаналитически) не затуманивался ставшим уже чрезмерно обильным вкладом

предварительной и неверной концепции. Кроме того, аналитику необходимы все знания о пациенте, открытия и разработки предшественников в этой области — все, что он может собрать. Это вновь увеличивает потребность в прочной структуре, теоретическом каркасе психоанализа, который, кроме того, способен подстраиваться в процессе. Если жесткость теоретической структуры ослабевает в результате отклонения от теории, то такие отклонения становится легко обнаружить. Например, если ссылка на перенос делается посредством конкретной цитаты, то можно видеть, что автор применяет этот термин в уже устоявшемся значении. Если осознаваемая тревога аналитика является фактором переноса, то становится ясно, что автор имеет в виду совсем другие явления, нежели те, что описаны Фрейдом в отрывке, на который делается ссылка. Гибкость достигается за счет работы с функциями как с переменными, которые становятся константами только тогда, когда переменные функции заменяются факторами-константами. Сегодня наиболее близким к константе в психоанализе является использование страничной и строковой ссылки на теорию, используемую в качестве фактора.

5. Ухудшение теоретических и аналитических средств аналитика не затрагивает здесь меня самого; достаточно того, что метод формального описания поможет прояснить это положение и позволит аналитику предпринять необходимые с его точки зрения шаги. Редкое использвание психоаналитической теории может указывать на то, что она не выдержала проверки аналитической практикой.

6. Запись сессий, кратко освещающая ход анализа и дающая представление о применяемых теориях, может быть полезна аналитику не только для сохранения в памяти каких-то отдельных деталей. Записи о проделанной работе (и неявно — о методе работы аналитика) очень важны, но главное — это иметь такую систему обозначений, которая годилась бы и для описания проблем анализа, и для работы над ними.

7. Система обозначений должна давать аналитику возможность делать запись, понятную для него самого по прошествии времени, которую можно передать другим без существенной потери смысла. Но достижения этой трудной (в смысле осуществления) цели было бы недостаточно. Для развития психоанализа

должна быть найдена такая система обозначений, которая позволяла бы регистрировать психоаналитическую работу так же, как регистрирует факты математическая система обозначений, и так же, как математическая система обозначений регистрирует факты и обеспечивает средства для их вычислений, так и идеальная психоаналитическая система обозначений должна предоставлять аналитику средства для работы над проблемой.

Глава 14

1. Альфа-функция играет ведущую роль в преобразовании эмоционального опыта в альфа-элементы, поскольку чувство реальности важно для индивидуума так же, как пища, питье, воздух и выделение переработанных продуктов. Нарушения питания, питья или дыхания приводят к катастрофическим последствиям для самой жизни. Нарушение процесса переработки эмоционального опыта ведет к такому же бедствию в развитии личности; к этим бедствиям я отношу тот психотический дефект, который может быть описан как смерть личности. Как всегда, применение модели (аналогично тому, как я использовал здесь модель пищеварительной системы) подвержено опасностям, которые я обсуждаю на стр.61. Чтобы уменьшить эти опасности, а обсуждение сделать научным, необходима система обозначений, представляющая эмоциональный опыт. Если аналитик создаст для себя антологию рабочей психоаналитической теории, опираясь на несколько хороших базовых теорий — полностью понятных и способных (по отдельности и все вместе) охватить достаточно много ситуаций, с которыми он предполагает встретиться,— то это поможет создать систему обозначений. Далее следует схема (которую я нахожу полезной), призванная указать направления, по которым может быть достигнут прогресс.

2. По-видимому, если говорить о базовой эмоции как о критерии, то можно выбрать чувства, известные нам как «любовь» и «ненависть». Зависть и благодарность, депрессия, вина, тревога — все они занимают доминирующее положение в психоаналитической теории и, по-видимому, вместе с сексуальностью могут быть поставлены в один ряд с любовью и ненавистью. На деле я предпочитаю рассматривать три фактора, присущих

связи между объектами, которые, как предполагается, имеют взаимоотношения друг с другом. Эмоциональный опыт не может рассматриваться в отрыве от взаимоотношений. Основными постулируемыми мною видами взаимоотношений являются следующие: (1) X любит Y; (2) X ненавидит Y; и (3) X знает Y. Эти связи можно обозначить буквами **L**, **H** и **K**. Что может быть реализацией, соответствующей абстрактным связям **L**, **H** и **K**? Представим себе ситуацию, с которой хорошо знакомы аналитики: пациент Смит говорит свободно, дружелюбно и охотно поддерживает разговор; ассоциируя, он отмечает по ходу, что знает одного психотерапевта Джона, который чрезвычайно глуп и фактически ничего не смыслит в психоанализе. Пациент хорошо знает его и имеет все основания не любить его. Однажды он лечил его друга Мея, и результаты этой работы были просто шокирующими. Брак его друга всегда был гармоничным, пока тот не начал терапию... и т.д. Очевидно, это сложная коммуникация. Здесь имеет место связь между пациентом и аналитиком; имеют место различные связи между пациентом и психотерапевтом, между пациентом и его другом, между пациентом и аналитиком его друга. Если говорить о связи между пациентом и аналитиком, то она очевидна. Что же касается описываемых пациентом других связей, то свидетельства в значительной степени являются косвенными, хотя при необходимости утверждения пациента можно было бы дополнить свидетельством, непосредственно вытекающим из сессии. Пациент говорит, что знает Джона. Должно ли это быть представлено как *Смит **K** Джон*? Он говорит, что не любит Джона. Должно ли это быть представлено как *Смит **H** Джон*? Пациент говорит — «мой друг» мистер Мей. Должно ли тогда это быть представлено как *Смит **L** мистер Мей*? Или, может быть, существует некоторый материал предыдущих сессий или некоторая манера или интонация, которые предполагают связь *Смит **L** миссис Мей*? Может быть, существует некоторый материал, который предполагает наличие гомосексуальных взаимоотношений между Смитом и мистером Мей? Необходимо без конца задавать поднимаемые воображаемым эпизодом вопросы и бесконечно давать на каждый из них ответы. Но едва ли будет достаточным сказать о реальной сессии

только это. Кроме того, ответы на занимающие аналитика вопросы будут зависеть от интерпретации им непосредственных свидетельств о характере переноса. Может показаться, что в силу сложности аналитической ситуации в записи ее посредством трех символов не может быть никакой пользы. Если признать, что символ отражает лишь некоторую часть эмоционального опыта (связь), указывает ли гипотетический эпизод на то, что символы (**L**, **H** и **K**) скрывают сложную связь, которая может бесконечно варьировать под знаком вводящей в заблуждение простоты, или они определяют достаточно жесткую связь, которая делает использование их в аналитической ситуации безнадежной фальсификацией?

3. Нет оснований считать верной какую-либо из этих альтернатив; символы могут сопоставляться с фактом таким способом, который защищает их от потери смысла, в то же время способ может быть достаточно абстрактным, чтобы гарантировать его всеобщую, а не просто случайную применимость к реальным эмоциональным ситуациям.

4. Аналитик должен признать сложность эмоционального опыта, который ему необходимо прояснить, и ограничиться выбором этих трех связей. Он решает, каким образом связаны объекты и какие из этих трех видов связей наиболее точно представляют реальные отношения между ними. Если пациент дружелюбен, то связь может быть представлена символом **L**. Это представление не является полным, поскольку необходимо зафиксировать состояние переноса. Я устраняю ошибку, говоря, что именно подразумеваю под этим при описании переноса в соответствии с ранее предложенной мною схемой (глава 13, пункт 6).

Будет видно, что использование системы **HKL** для стимулирования аналитика к поиску «ключевых моментов» сессии — это не то же самое, что использование ее для описания эмоционального опыта; эта система, так сказать, является средством, которое допускает меньше случайностей, чем подробное описание всего того, что известно. Однако это средство вводит элементы, которые должны являться неотъемлемой частью любой системы описания прежде, чем эта система сможет быть признана удовлетворительным — именно рабочим —

средством. Описать эмоциональный эпизод как **K** — значит, создать несовершенное описание, которое, однако, является хорошей отправной точкой для умозрительных размышлений аналитика. В этом отношении схематически представленная мною система, несмотря на свою грубость и наивность, содержит основные исходные элементы системы обозначений — описание факта и рабочий инструмент.

Глава 15

1. Преследуемая при выборе **L**, **H** или **K** цель состоит в том, чтобы сделать такое утверждение, которое в наибольшей степени, как кажется аналитику, соответствует истине. Такое утверждение — это не скрупулезное представление реализации того, чьей точной копией она является; утверждение должно казаться аналитику истинным отражением его чувств, а также тем, на что он может опереться в особенно важных намерениях,— то есть играть роль стандарта для своих будущих утверждений. Если выбрана **L**, то после этого **L** выражает качество, с которым он сравнивает другие качества. Кроме того, **L** выражает количество, и этим количеством аналитик будет измерять все другие количества. То есть, если под **L** он подразумевает два объекта, связанные сильным чувством любви, то после этого он не будет использовать **K** для случайной связи — такой, которая может выражаться нетерпеливым: «Да, я знаю». Выбор **L**, **H** или **K** определяется не необходимостью представить факт, но необходимостью дать ключевое понятие для оценки других элементов, которые объединяются в формализованное утверждение. В психоанализе, где утверждение зависит от других утверждений, определение такого ключевого утверждения настоятельно требуется для его (утверждения) оценки. Должно быть ясно, что при оценке всех элементов своего утверждения аналитик опирается на одно утверждение. Теоретически я не вижу причин для того, чтобы он не мог выбрать для этой цели любой элемент, какой ему нравится, однако на практике многое говорит за то, чтобы выбирать элемент, важность которого определяется его положением в целом утверждении. Обычно элемент, который уже обладает такой важностью, по-видимому, в большей степени поддерживает тот груз, который он должен нести, чем элемент,

не имеющий подобной важности. **L**, **H** или **K**-связь как раз являются такими элементами. Когда аналитик выбирает знак, то этот знак должен ощущаться правильным, и (что вполне обоснованно) аналитик должен поддерживать его постоянным. Если при ссылке на него кажется, что утверждение становится противоречивым, то тогда другие элементы и взаимосвязи должны быть приведены в соответствие, но **L**, **H** или **K** должны оставаться неизменными до тех пор, пока не станет ясно, что они были неверно выбраны или что анализанд изменился; в этом случае должно быть отменено все утверждение целиком и начато построение нового. Далее будет видно, что я придаю большое значение выбору **L**, **H** или **K**, что у меня есть предпочтение в выборе представляющего связь знака, то есть элемента, наиболее пригодного для того, чтобы нести предполагаемую мной нагрузку, но мне не сложно представить возможность существования веских причин для того, чтобы аналитик предпочел создать свое «истинное» утверждение, которое основывалось бы на некотором ином элементе; я не думаю, что выбор представляет какую-либо неимоверную трудность для тренинг- или практикующего аналитика.

2. **L**, **H** или **K** должны выбираться таким образом, чтобы аналитик *чувствовал*, что он установил точку отсчета для ссылок. Когда он поступает таким образом, опасность создания системы абстракций, лишенной основания и пригодной лишь для изобретательной и произвольной манипуляции, сводится к минимуму.

Глава 16

К-СВЯЗЬ

1. Я вынужден проигнорировать **L** и **H** и обсудить **K**, поскольку этот вид связи представляет важность для аналитика и является связью, которая уместна при научении через опыт переживания. В процессе обсуждения я надеюсь также заняться дальнейшим указанием тех моментов, которые относятся к установлению связи, но с которыми я не имел возможности достаточно поработать. Первый момент, который я хотел бы отметить, состоит в том, что **L** или **H** могут быть релевантны **K**, но ни одна из этих связей сама по себе не способствует **K**. **x K y**, аналитик **K** анализант, я **K** Смит — все эти утверждения представляют эмоциональные переживания. Подобно **L** и **H**, **K** представляет активную связь, при этом предполагается, что если **x K y**, то **x** делает нечто по отношению к **y**. Эта связь представляет психоаналитическое взаимодействие. Используя ее, я подразумеваю, что она не является завершенной, то есть передает, скорее, не то, что **x** обладает некоторым знанием об **y**, а то, что **x** находится в состоянии приобретения знания об **y** и **y** находится в состоянии, позволяющем **x** приобретать о нем знание. Утверждение **x K y** (в той мере, в какой оно означает, что **x** имеет некоторое знание об **y**) подпадает под категорию взаимоотношения между личностью, делающей данное утверждение, и личностью, которой оно адресуется, *и* взаимоотношения с **x** и **y**, к которым оно относится.

2. Поскольку это утверждение означает, что **x** рассматривается как познающий истину об **y**, оно соответствует тем утверждениям о взаимоотношениях, о которых можно сказать, что они передают научную точку зрения. Приемы, используемые теми, кто придерживается научной точки зрения, достигают большего

результата в случаях, когда **у** является неживым объектом. Уверенность в том, что научная точка зрения превалирует во взаимоотношении **x K y**, более легко поддерживается в том случае, когда **у** является неживым, и на **х** можно также смотреть как на неживое, например, когда **х** использует машину. Истинный смысл этого ощущается в записи простой барабанной дроби, или в записи человеческого голоса, сделанной так, что теряется связь с самим человеческим рассуждением. Простота этого взгляда становится ясна, если признать, что фотографический снимок не способен дать той ясности, которая доступна при непосредственном наблюдении.

3. Основной вопрос философии науки — способен ли человек познать что-либо; это сомнение сегодня происходит из неизбежного сознания того, что ситуация, представленная посредством таких абстрактных понятий, как **x K y**, аналогична ситуации **x L y** или **x H y** в том смысле, что элемент неживого присутствует изначально. Иными словами, с введением неживой машины, вытесняющей живой элемент, **L**, **H** или **K** перестают существовать. Проблеме, которой стали заниматься философы науки, психоанализ придал дополнительное значение, и для этого существуют две причины: с одной стороны, **x** обладает силой, однако при детальном рассмотрении он проявляет слабость, в которой его всегда подозревали, когда он начинает исследовать **у**,— это связано со способностью **у** быть в контакте с реальностью. Я предлагаю не тратить время на сложные философские проблемы, восходящие к Канту, Юму и их последователям. Я лишь хочу подчеркнуть, что все сказанное о проблеме познания в определенной мере применимо к психоанализу и что психоанализ в определенной мере применим к этим проблемам.

4. Вопрос «Как может **x** что-либо знать?» выражает чувство; оно, по-видимому, должно быть болезненным и принадлежать эмоциональному опыту, который я обозначаю как **x K y**. Эмоциональные переживания, которые ощущаются как болезненные, могут привести к попытке либо отклонить, либо модифицировать боль в зависимости от способности личности терпеть фрустрацию. Отклонение или модифицирование, согласно воззрению Фрейда, выраженному им в статье «Положения о двух принципах функционирования психики», призваны устранить

боль. В отношениях **x K y x**, пытаясь модифицировать боль, становится обладателем некоторого знания об **y**,— такое значение **x K y** было отвергнуто мной на стр.41. С другой стороны, попытка уклониться от боли осуществляется путем изменения смысла «**x** обладает некоторым знанием об **y**» таким образом, что **x K y** представляет теперь не болезненные эмоциональные переживания, а, вероятно, безболезненные.

5. Такой маневр служит не утверждению, а отрицанию реальности, не представлению эмоционального опыта, а искажению его, чтобы представить его скорее удовлетворяющим, нежели стремящимся к удовлетворению. Различие между целями, которые преследуют ложь и правда, можно представить как изменение значения **x K y**, связанное с неспособностью выносить фрустрацию. Проблема обобщения частного «знания» одна и та же — как в случае искаженного представления эмоционального опыта, так и при правильном его представлении. В психоанализе некоторых пациентов нам приходится заниматься их неудачами, которые связаны с искаженным даже для них самих представлением эмоционального опыта; душевно больного можно лучше понять, если учесть его неудачу при замене искаженного представления фактов представлением, которое соответствует (и поэтому освещает) реальности. Причину этого, по-видимому, можно выразить словами Фрейда: «Галлюцинация отвергается ввиду отсутствия явного удовлетворения». Для того, чтобы приблизиться к проблеме, необходимо двигаться как бы в двух различных направлениях: одно связано с приобретением знания о человеке или вещи (фактическое **K**), а другое — с уклонением от **K** и представляемого этим типом связи эмоционального опыта. Предлагаемая мною процедура, как часть **K** с целью познания «**x K y**» и того, что это взаимоотношение представляет, включает поэтому идентификацию с человеком, проходящим анализ. Эта процедура включает также абстрагирование от реализации и создание формулировки, которая представляла бы эту реализацию, и потому соотносилась бы с неизвестными на данный момент реализациями и представляла бы их.

Глава 17

1. В активности **К**, рассмотрением которой я занимаюсь, а именно — в познании, я должен осознать свой эмоциональный опыт и быть способен вывести из него абстрактное утверждение, которое верно представляло бы этот опыт. Эта абстракция вызывает чувство уверенности, если оказывается, что она представляет другие переживания, неизвестные в тот момент, когда формулировалась абстракция. Чувство уверенности похоже на то чувство, которое возникает, когда убежденность подкреплена здравым смыслом*. Уверенность сопровождает знание о том, что между чувствами есть связь (стр.43) или что более чем один человек в группе согласен с тем, что утверждения одинаково представляют один и тот же эмоциональный опыт. Надежность представления связана с (1) предположением о том, что представление подкреплено здравым смыслом, и (2) что представляется не только эмоциональный опыт, из которого выводится утверждение, но также и другие реализации, неизвестные во время абстрагирования. Таким образом, абстрактная формулировка, использующая для оценки эмоционального опыта символы **L**, **H** и **K**, может сама получить оценку, если выступает в качестве абстрактного представления различных эмоциональных переживаний.

2. Далее абстрагирование может рассматриваться как шаг к обнародованию, которое облегчает установление соответствия (корреляцию) путем сравнения представлений, полученных на основе нескольких различных реализаций, причем ни одна из них не является той, из которой первоначально было выведено утверждение. Конкретизация же, наоборот, может рассматриваться как такая форма обнародования, которая помогает установить соответствие (корреляцию) на основе общего чувства,

то есть посредством такого утверждения, в котором распознается объект одного чувства и которое может быть проверено для объекта другого чувства. Ценность утверждения определяется тем, насколько легко оно может быть проверено более чем одним чувством или чувствами более чем одного человека. (В астрономии корреляции устанавливаются — при том, что использовать возможно лишь визуальные наблюдения,— благодаря тому, что каждый исследователь может предоставить свой частный опыт для проверки другим исследователям. Слабость, вызванная неспособностью использовать данные более чем одного органа чувств, компенсируется возможностью абстрагировать исходный чувственный опыт в форме утверждения с использованием настолько строгих терминов, что реализации представления могут быть уяснены или случайно распознаны даже спустя много лет. Гипотеза Аристарха о том, что солнце неподвижно, спустя сотни лет была подтверждена Кеплером.) Математическая формулировка еще недоступна психоанализу, хотя предпосылки к этому заманчивые.

3. Основания для создания абстрактного утверждения следующие: (1) аналитик стремится формулировать свои базовые гипотезы; (2) аналитик может обнаружить, что абстрактные записи позволяют создать теоретическую броню, на которую он может положиться; (3) аналитик сохраняет способность наблюдать формирование своих теоретических средств в контексте истории научной дисциплины; (4) практикующий аналитик будет в большей степени готов к тому, чтобы увидеть, что определенные теории, рассматривавшиеся до сих пор как устоявшиеся, на деле исчерпали или дискредитировали себя в результате проверки на опыте, кроме того (5) появляется возможность соотносить абстрактное утверждение и реализации, из которых оно не было выведено; (6) это помогает установить стандарт, на который можно ссылаться из других утверждений. Далее следуют примеры.

Процесс абстрагирования, к которому я сознательно прибег, по сути своей является эмоциональным опытом **x K y**. Это не случайная процедура, которую при желании можно было бы отбросить.

4. Раз мы придаем первостепенное значение связи и согласны ограничить ее представление тремя знаками **L**, **H** и **K**, то

к проблеме представления можно подойти через рассмотрение тех шагов, которые необходимы для успешной реализации метода *искаженного* представления. Так как процесс абстрагирования не является случайным и произвольно не может быть отброшен, то индивидуум должен предпринять позитивные шаги к достижению такого состояния сознания (глядя на некоторых психотических пациентов), при котором способность к абстрагированию нарушается. Значение, например, слова собака (которое подразумевает не какое-то определенное животное, а указывает на целый класс) как средства абстракции и обобщения, нарушается, и это слово не может больше использоваться как название вещи, но само становится вещью: «слова — это вещи». В формализованную систему, разработанную для представления **K**-связи, необходимо ввести элементы, которые будут обозначать искаженное представление. Это можно легко сделать, обратившись к процедуре, заимствованной из аналитической геометрии, в которой изменение направления, скажем, для линии АВ, изменяет смысл этой линии. **К** обозначает связь, которую я обсуждал все это время: **–К** представляет связь, образованную НЕпониманием, то есть *искаженным* пониманием. Смысл этого лучше всего может быть понят, если заметить, что **–L** — это не **H**, так же как **–H** — это не **L**.

5. На сегодня фактор можно представлять посредством постраничной и построчной ссылки на ту часть литературы, в которой он определяется наилучшим образом. Искать обозначения для представления факторов, следуя принятой мною для **L**, **H** и **K** процедуре, будет преждевременно, поскольку замена символом общепринятого термина приведет к формированию системы, настолько расходящейся с основами, что всякий смысл будет потерян. В то же время, при использовании системы постраничных и построчных ссылок, основание реализации, на котором строятся теории, никогда не потеряет своего значения. С другой стороны, формализация и абстракция, устраняя конкретности и частности, устраняет аспекты, скрывающие значимость связи одного элемента с другим. При использовании специальных отличающихся конкретностью терминов, хотя и сохраняется основание, на котором они были

построены, но затемняется тот факт, что конкретные термины являются переменными и их значения зависят от контекста, в который они помещаются. Значит, нужно искать группы символов, которые будут представлять реализацию, и в то же время давать возможность отобразить взаимосвязи между символами, т. е. контекст.

Глава 18

1. В выполняемой здесь работе (рассмотрение **К**-активности) я прибегнул к абстракции; совсем иначе протекает обратный процесс — конкретизация, благодаря которой слова перестают быть абстрактными символами, а становятся вещами-в-себе. В процессе адекватного показа взаимосвязи существенную роль играют абстракция и формализация.

2. Проблема состоит не просто в использовании уже наделенных ассоциативными оттенками слов для описания уникальной ситуации; проблемой является то, что эти оттенки приобретались ради установления мысленных отношений с конкретными объектами. Это стремление в процессе индивидуального развития является значительно менее настойчивым по сравнению с попыткой установления мысленных отношений с собственной личностью индивидуума или личностью другого человека. Чувства предоставляют личности материал, над которым должна быть осуществлена работа, целью которой является создание того, что Фрейд назвал «сознательным представлением, связанным с ними», то есть с чувственными данными. Однако трудно предположить, что чувственные ощущения, как они обычно понимаются, могут быть значимым материалом, когда объектом восприятия является личный эмоциональный опыт (кому бы эта личность ни принадлежала). В состоянии страха или ярости ощущения могут предоставлять данные, связанные с сердцебиением и тому подобными внешними (то есть видимыми) проявлениями эмоционального состояния. Однако в силу того, что имеют место чувственные данные, непосредственно связанные с конкретными объектами, чувственные данные, связанные с психическими свойствами, отсутс-

твуют. Ипохондрические симптомы поэтому могут указывать на попытки установить контакт с психическим свойством путем замены физическим ощущением недостающих чувственных данных психического свойства. По-видимому, реакцией на осознание Фрейдом этой трудности была его склонность постулировать сознание как орган восприятия психических свойств. У меня нет никаких сомнений в необходимости существования в личности чего-то, что устанавливало бы контакт с психическими свойствами.

3. В случае личностей, которые кажутся неспособными к истинным сновидениям (пограничная психотическая и психотическая части личности), теория, рассматривающая сознание как орган восприятия психических свойств, является неудовлетворительной; в рамках клинической практики ставшие очевидными противоречия разрешаются, если подход к проблеме осуществляется с позиций различных теорий. Для ситуации, в которой слабость данной теории сознания очевидна, я предложил теорию, согласно которой альфа-функция создает (путем распределения альфа-элементов) контактный барьер — объект, который разграничивает элементы таким образом, что находящиеся с одной стороны являются сознанием (и образуют его), а находящиеся с другой стороны являются бессознательным (и тоже его образуют). Теория сознания является слабой, но ее нельзя назвать ошибочной, поскольку, если учесть, что сознание и бессознательное непрерывно формируются вместе, продуцируя «бинокулярное» видение, они обретают способность к корреляции и самонаблюдению. В силу характера развития собственного Я беспристрастная регистрация этой структурой своих психических свойств исключается с самого начала: «видение» одной части другою является как бы «монокулярным». По этой и другим причинам, вытекающим из клинического опыта психоанализа пациентов, у которых психотическая часть личности явно бросается в глаза, я обнаружил, что теория первичного и вторичного процессов является неудовлетворительной. Слабость этой теории заключается в необходимости постулировать две системы там, где (согласно моей теории альфа-функции) эмоциональный

опыт преобразуется в альфа-элементы[1], запуская мышление сновидения, бессознательное мышление в состоянии бодрствования и сохранение данных в психике (память). Я приписываю появление бета-элементов (тесно связанных со странными объектами и тяжелыми расстройствами, обычно ассоциированными со слишком бросающимися в глаза психотическими элементами личности) неудаче альфа-функции.

Глава 19

1. Определение значения термина «альфа-функция» является задачей психоанализа и не может быть осуществлено никакими иными способами. Его статус, по моему мнению, является неизвестной переменной, которая должна использоваться для удовлетворения потребности в абстрактной системе,— такой, которая в достаточной мере удовлетворяет требованиям психоанализа. Эта и связанные с нею проблемы являются объектами исследования; в то же время они являются инструментами, с помощью которых это исследование осуществляется[1]. Чтобы гарантировать соответствие термина альфа-функции как имени (хотя и промежуточного) реализации, следует различать понятие альфа-функции и реализацию, которая, кажется, достаточно точно аппроксимируется теорией, где это понятие используется.

2. Необходимо (в целях аналитического исследования) предположить, что происхождение всех абстракций должно быть фактором альфа-функции. Такую гипотезу можно сравнить с тем, что нарушения альфа-функции ассоциируются с преобладанием бета-элементов, которые конкретны настолько, что некоторые пациенты используют слово не как имя вещи, а как вещь-в-себе. Гипотеза должна сопоставляться с эмоциональными переживаниями, являющимися частью клинической проблемы установления значения самой альфа-функции. Прежде всего нам необходимо узнать, чему соответствует чувственное впечатление человека в его эмоциональном опыте. Органы чувств, связанные с ними представления и их реализации развиваются из чувственного опыта, который связан с конкретными объектами. Что взаимодействует с чувственными впечатлениями от эмоционального опыта? Каким образом

эти части преобразуются в альфа-элементы? Имеет смысл постулировать[1], что чувственные впечатления от эмоционального опыта аналогичны чувственным впечатлениям от конкретных объектов. Если имеют место такого рода восприятия, то мы должны посмотреть — отличаются ли альфа-элементы, в которые альфа-функция преобразует чувственные переживания эмоционального опыта, от альфа-элементов, в которые альфа-функция преобразует чувственные данные, связанные с конкретными объектами, и если да, то в чем конкретно состоит отличие. Фрейд предложил для первичного и вторичного процессов модель рефлекторного аппарата; использование теории функций требует, чтобы сначала была сформулирована модель, а затем осуществлена ее проверка с целью увидеть, может ли она быть представлена такой теоретической абстракцией, которую я назвал связью, и может ли она сама представлять (и если да, то как) реализацию, послужившую исходным пунктом для построения модели. Альфа-функция представляет собой нечто, что существует при согласованном действии некоторых факторов. Предполагается, что такого рода факторы, способные действовать совместно, существуют; в противном случае, если по каким-то причинам действовать совместно факторы не могут, то есть если факторы не обладают альфа-функцией, тогда личность оказывается неспособной продуцировать альфа-элементы и поэтому неспособна к мыслям сновидения, не может иметь сознательное или бессознательное, не способна к вытеснению и научению через опыт. Подобное нарушение является очень серьезным, поскольку, помимо очевидных бед, связанных с неспособностью к научению через опыт, имеет место недостаточное осознание эмоциональных переживаний (а также доступных реальных объектов) посредством чувственных восприятий. Отсутствие такого осознания подразумевает утрату здравого смысла (ощущение правдивости), а правду можно считать неотъемлемой частью психического здоровья. Действие, которое оказывает на личность утрата этой способности, аналогично действию физического голода на организм человека.

3. Обращаясь к абстракции и ее следствиям — альфа-функции и ее факторам, я получаю возможность разобрать

психоаналитические неизвестные. Путем конкретизации, то есть используя термины, близкие к эмпирически проверяемым данным, я продолжаю размышлять над тем, какой частью раннего психического аппарата является то, развитие чего идет по пути формирования аппарата, необходимого для мышления. Фрейд, описывая мышление как нечто, обеспечивающее способ сдерживания двигательной разрядки и становящееся все более востребованным, говорит об этом просто — как о развивающемся из способности формировать и воспринимать идеи. При исследовании толкований сновидений на Фрейда произвела впечатление роль рефлекторного аппарата, рассматриваемого в качестве модели психического аппарата, задействуемого сновидением, и свою теорию он развивал в рамках этой модели[1]. Я полагаю, что мышлением является нечто, что оказывает влияние на неподходящий для данных целей аппарат посредством требований реальности и что имеет место наряду, как говорит Фрейд, с доминированием принципа реальности. Новая аналогия опирается на тот факт, что требования реальности не только форсировали психоаналитические открытия, но также привели к отклонению вербального мышления от его изначальной функции сдерживания двигательной разрядки в сторону задач самопознания, для которых оно плохо подходит и ради которых оно должно претерпеть существенные изменения.

4. В дальнейшем будет видно, что я игнорирую обсуждение природы альфа-функции и сохраняю ее абстрактный смысл с тем, чтобы использовать ее как неизвестную, значение которой присваивается лишь в ходе аналитического исследования[1]. Таким образом, я решаю проблему, отличную от той, к которой Фрейд подходил с позиций своей теории формирования и восприятия идей, а также своей модели рефлекторной дуги. Я полагаю, что аппарат существует с самого начала и в ходе развития способности к мышлению должен адаптироваться к новым задачам, возникающим при встрече с требованиями реальности. Аппарат, который должен претерпевать такую адаптацию, есть именно то, что изначально имело дело с чувственными впечатлениями, относящимися к каналу пищеварения.

В этой системе (насколько я могу утверждать и насколько я способен сохранять тот смысл, который вкладываю в слова) имеет место следующее: младенец, согласно теории, осознает лишь очень плохую грудь — грудь, которая «не здесь» и которая в силу своего отсутствия вызывает в нем болезненные чувства. Этот объект воспринимается как то, что необходимо «опорожнить» (изгнать) с помощью дыхательной системы или в процессе «высасывания» удовлетворяющей груди. Эта высасываемая грудь неотличима от «мысли», однако «мысль» эта зависит от существования объекта, который реально помещается в рот. При определенных условиях, зависящих от личностных факторов, процесс сосания и сопровождающие его ощущения приравниваются опорожнению плохой груди. Грудь — вещь-в-себе — неотличима от идеи в психике. Идея груди в психике соответственно неотличима от находящейся во рту самой вещи. Ограничиваясь на данный момент только этими двумя ситуациями — одна из которых касается реальной груди, не отличимой от эмоционального опыта, который, в свою очередь, является вещью-в-себе и мыслью, но в недифференцированном состоянии, и другая касается плохой «потребности в груди», направленной на плохую грудь (bad «need-of-a-breast» bad breast), совпадающую с объектом, объединяющим эмоциональный опыт и вещь-в-себе (пара эта существует как еще недифференцированная),— ясно, что мы приходим к объекту, очень сильно напоминающему бета-элемент. Реализация и представление его в психике скорее всего недифференцированны. Характерные свойства этого состояния можно сделать более ясными, если я выделю некоторые его проявления. Так, младенец, имеющий «потребность в груди», направленную на плохую грудь, может изгонять (опустошать) ее путем сосания груди. Это, очевидно, требует пространственно близких взаимоотношений с реальной грудью. Он может опустошать ее с помощью дыхательной системы; в этом случае в тактильных ощущениях нет необходимости. Он может опустошать ее путем разглядывания реальной груди; для этого реальная грудь должна быть в поле зрения — иными словами, имеет место ситуация, когда нахождение груди в поле зрения равносильно ее нахождению в мысленном поле зрения, при этом и то

и другое есть то же самое, что нахождение груди во рту. Когда все эти события представляют собой изгнание (опустошение) «потребности в груди», направленной на плохую грудь, ясно, что если грудь отсутствует, то реально доступное «отсутствие груди» («no breast») будет ощущаться не только как плохое само по себе, но гораздо хуже, поскольку оно является как бы реальным свидетельством того, что плохая грудь была успешно изгнана. О существовании ощущаемого младенцем объекта можно говорить лишь тогда, когда мы обозначим его не как «бета-элемент», а скорее как «странный объект».

Глава 20

1. Когда кажется, что изгнание плохой груди приводит к ее появлению вовне, если изгнание удается (вероятно, посредством сосания реальной груди, а не респираторных или других средств), тогда последствия изгнания являются не столь болезненными. Это стимулирует взаимодействие принципа реальности с принципом удовольствия–неудовольствия. Мы можем проследить (1) процессы дифференциации репрезентации и соответствующей ей реализации — процессы, посредством которых вещь-в-себе становится отличной от идеи (Bradley, I.148), или (2) последствия установления соответствия между насыщением и мышлением. Первый путь приводит непосредственно к обсуждению важности абстракции, которая в данном контексте может быть рассмотрена как аспект преобразования альфа-функцией эмоционального опыта в альфа-элементы.

2. Согласно кляйнианской теории, младенец чувствует, что изгоняет в грудь плохой объект, кроме того, теоретически удовлетворение потребности может ощущаться как изгнание потребности, и тогда сама потребность, будучи плохой грудью (применяя конкретные понятия) или тем, что я назвал бета-элементами (используя абстракции), представляет ощущение младенца, что грудь на самом деле является изгнанным объектом и поэтому не отличима от бета-элемента. Что-то должно теперь произойти, если младенец продолжит питание. В описанном мною процессе подразумевается, что ситуацию нельзя считать объективной. Если имеет место хорошая грудь, сладкий объект, то именно в силу того, что он был изгнан, продуцирован; то же самое имеет место в случае плохой груди, необходимой груди, горькой груди и т.д. Ситуацию нельзя рассматривать ни как объективную,

ни как субъективную. Из этого следует, что сладкие, горькие, кислые объекты, сладость, горечь, кислота абстрагируются. После абстрагирования они вновь могут использоваться; абстрагирование может использоваться в тех ситуациях, когда реализация (но не та исходная реализация, из которой была сделана абстракция) аппроксимирует ее. Например, в эмоциональном опыте, связанном с грудью, младенец ощущает существование не зависимого от него объекта, с которым связано удовлетворение его чувства голода; предполагая у младенца способность к абстракции, можно сказать, что младенец может выделить из всего переживания элемент, являющийся верой в существование объекта, способного удовлетворить его потребности. Конкретное утверждение может быть следующим: существует грудь, с которой может быть связано удовлетворение его голода; абстракцией этого может быть следующее: существует нечто, что может и действительно дает ему, когда он хочет, то, чего он хочет.

3. Можно сделать практически любое количество утверждений, представляющих переживания младенца, когда, с точки зрения предполагаемого наблюдателя, он принимает грудь. Из этого эмоционального опыта и утверждения, которое представляет его, а также из всех других утверждений, которые столь же обоснованно могут представлять его, может быть выведена серия следующих утверждений. Поскольку их может быть огромное количество, то позже будет обсуждаться важность для научного поиска точных ссылок. Возможно, младенец также «способен сделать ряд утверждений», и это, по сути своей, именно те «утверждения,» которые в конце концов исследует аналитик. Утверждения первого уровня являются частными и конкретными и исходят из реального эпизода; абстракции все дальше и дальше уходят от конкретности и специфичности, пока их источник окончательно не скроется из вида. Абстракции, полученные таким образом, затем могут быть вновь использованы в качестве реализаций, когда обнаруживается, что последние аппроксимируют другую абстракцию.

4. В анализе встречаются следующие ситуации: (1) пациент, неспособный к абстракции, пытается ужиться с психическим аппаратом, использующим интроекцию и проекцию

бета-элементов; (2) способный к абстрагированию пациент создает теоретические системы, в значительной мере лишенные тех исходных реализаций, из которых они были абстрагированы, но развивает эти системы в соответствии с правилами, делающими абстракции согласующимися друг с другом в любой системе; (3) способный создавать абстракции пациент развивает системы, которые явно не подчиняются установленной системе правил. Хотя исходная реализация является неизвестной (в этом отношении имеется сходство с (2)) и то же касается системы правил, в соответствии с которыми осуществлялись манипуляции с абстракциями, пациент тем не менее еще способен найти реализации, которые соотносятся с его абстрактными утверждениями; (4) пациент, способный к абстрагированию и формированию систем согласно правилам, гарантирующим, что система является внутренне непротиворечивой, тем не менее не может найти реализацию, с которой связана эта абстрактная система; (5) пациент, способный к абстрагированию и объединению абстракций в системы согласно правилам, которые могут быть представлены явно и которые гарантируют, что системы являются внутренне непротиворечивыми. Исходную реализацию, из которой была получена абстракция, можно вывести. Последующие реализации могут рассматриваться как приближение дедуктивной системы, хотя о существовании недавних реализаций могло быть неизвестно в момент общего описания представляющей их абстракции.

5. Я проигнорирую случай (1), так как производные от него утверждения являются абстрактными системами, представляющими реализации, которые по типу своему отличаются от реализаций, соответствующих (2), (4) и (5). Рассмотрим реализацию, которую представляет (3). Удивительно, но с приближением к некоторой репрезентации этих реализаций они все более напоминают реализации, соответствующие (1), а также другие реализации, аппроксимирующие производные от (1) репрезентации.

6. При обсуждении (1), (2), (3), (4) и (5) абстракция может с успехом исследоваться как фактор альфа-функции. Имеют место две задачи, за решение которых теперь необходимо

взяться. Первая касается прояснения исходных реализаций абстракции. Вторая задача состоит в прояснении отношения модели (в том смысле, в каком Фрейд использует этот термин в тех местах, где он ссылается на рефлекторный аппарат как на модель аппарата, задействованного в сновидении) к реализации, из которой были получены абстракция и теоретические дедуктивные системы; до какой степени и при каких условиях данная исходная реализация может быть моделью (или использоваться в качестве нее) для полученной из нее абстракции? В качестве такой модели она может использоваться непреднамеренно. Например, я уже говорил об обороте речи, свидетельствующем не о воспоминании, а о «неусвоенных фактах» (стр.21). В этом утверждении подразумевается использование пищеварительной системы в качестве модели процессов мышления. Есть основания полагать, что эмоциональные переживания, связанные с питанием, являются тем, из чего индивидуум абстрагирует элементы и затем интегрирует их, формируя теоретические дедуктивные системы, использующиеся в качестве репрезентаций реализаций мышления. Для представления и постижения процессов, задействованных в мышлении, имеет смысл использовать в качестве модели систему пищеварения. Без возражений (за исключением того, что касается причин неэффективности) можно принять процедуру, посредством которой исходная реализация и эмоциональный опыт, к которому она приводит, преобразуется в репрезентации тех реализаций, которые кажутся аппроксимирующими их. Кроме того, конкретный образ исходной реализации может быть использован в качестве модели для последующей реализации. Различение репрезентации, образованной из альфа-элементов, объединенных в абстрактную теоретическую дедуктивную систему, и модели, образованной из конкретных образов, объединенных в соответствии с тем, что мыслилось как отношение между составляющими исходной реализации, является очень важным: эти понятия не следует смешивать. Но как использовать наши знания о системе пищеварения при создании модели процессов — но не тех процессов, которые участвуют в мышлении, а тех, что участвуют в мышлении о мышлении?

7. Проблемы, связанные с нарушением мышления, заставляют нас задуматься о мышлении, и это, в свою очередь, ставит вопрос о технике — *как* мы должны думать о мышлении, что является правильным методом? Когда нам интересно прояснить нарушения питания, а значит и явления, связанные с отношением (а также со способностью) пациента к размышлениям над мыслью, мы непреднамеренно можем использовать наши знания о канале пищеварения. Это очень важно, потому что некоторые пациенты склонны считать, что они переваривают мысли и что связанные с этим последствия похожи на переваривание пищи. Иными словами, если они пытаются делать то, что обычно может рассматриваться как размышление над идеей, то они полагают, что перерабатываемые таким образом мысли претерпевают изменения, аналогичные тем, которым подвергается пища, превращаясь в кал: определенные идеи (или их словесные репрезентации) выживают, и если они получают выражение, то являются не свидетельством наличия идей, а свидетельством (встроенным в матрицу ненужных данных) того, что мысли этих пациентов были разрушены и лишены смысла подобно тому, как кал и составляющие его непереваренные частицы были когда-то пищей, которая была разрушена и лишилась своего значения как пища[1]. Интерпретации, адресованные таким пациентам, должны исключать слова, подразумевающие модель системы пищеварения. На практике, если аналитик встречает трудности, то могут быть предприняты шаги, препятствующие усложнению ситуации. Однако данная проблема побуждает думать, что бессознательное применение модели системы пищеварения может вызвать трудности не только у психотического пациента, но также и у философа, который занят проблемой методов чистого мышления. Термин «чистое мышление», который я только что использовал, сам по себе является свидетельством того, до какой степени словарь философии и психоанализа (который может иметь такое же отношение к философии, какое имеет математика к прикладной математике) наполнен (насыщен) моделями, происходящими из чувственных впечатлений от материальных объектов. В результате мы неосознанно можем прибегнуть к таким же способам понимания, а значит вклю-

чать в сферу мыслей представляемые реализации благодаря моделям, применявшимся в исходной реализации. Конечно, та модель, которой обеспечивает нас имеющееся знание о канале пищеварения, будет сильно отличаться от модели, которой обеспечивает младенца его знание о системе пищеварения. Подобное различие применимо к системам, построенным на альфа-элементах, которые возникли как часть процесса абстрагирования; абстракции младенца — это не то же самое, что абстракции взрослых.

Глава 21

1. Использовать модель имеет смысл для восстановления чувства конкретности в исследовании, которое, возможно, утратило контакт со своим основанием из-за абстракции и связанных с ней теоретических дедуктивных систем. В этом смысле достоинством модели является упрощенное отношение к абстракции в данном целостном опыте переживания (словесном питании), использующемся в качестве модели для последующих проблем. Несовершенство модели как инструмента побуждает создавать абстракции.

2. Модель обладает также свойствами, позволяющими ей выполнять некоторые функции абстракции. Она дает исследователю возможность использовать эмоциональный опыт переживания, применяя его в совокупности, для последующего переживания или для некоторых его аспектов. Эти достоинства присущи самим элементам, которые в конце концов делают модель устаревшей. Не существует переживания, в точности соответствующего прошлому опыту; научная дедуктивная система и ее абстракция, или модель и связанные с ней образы, может быть лишь аппроксимацией реализации или наоборот.

3. Различие между моделью и абстракцией я устанавливаю, закрепляя за термином «модель» представление о такой конструкции, в которой конкретные образы соединяются друг с другом; связь между конкретными образами часто создает эффект повествования, то есть одни элементы повествования обуславливают другие. Модель строится из элементов индивидуального прошлого, в то время как абстракция как бы пропитана до-представлениями о будущем индивидуума[1]. С моделью ее сближает источник эмоционального переживания и то, как он используется в новом эмоциональном опыте; отличие же

абстракции связано с большей гибкостью и более широкой сферой применения, что является результатом утраты некоторых конкретных образов; элементы абстракции объединяются не повествованием, но методом, позволяющим усматривать скорее отношения, нежели связанные объекты. Дедуктивная система абстрагируется от эмоционального переживания свойств и отражает взаимоотношения между элементами данного эмоционального опыта. Связанные элементы актуального переживания являются менее последовательными. В модели делается упор на реальных элементах, зрительных образах, однако способ, которым они выстраиваются вместе в последовательность, заключается во взаимной их подчиненности.

4. Тот факт, что любая реализация лишь аппроксимирует репрезентацию, будь то абстракция или модель, является стимулом для следующей абстракции и создания следующей модели.

Если обучающийся нетерпимо относится к некоторой доли фрустрации, связанной с научением, то ему будут доставлять удовольствие фантазии о всемогуществе и вера в состояние, в котором неизвестные вещи являются известными. Познание чего-то состоит в «обладании» некоторой «частью» знания, а *не* в том, что я назвал **К**.

Создание модели и абстракции, описанное в главах 20 и 21, само по себе является примером создания модели и абстракции, используемых в **К** (или «познания» в смысле «узнавания» чего-то). Если создание модели и абстракции подразумевает способность к альфа-функции, то они являются совместимыми со всеми состояниями сознания, описанными на стр.49, за исключением (1). Если есть доказательство существования (1), то несовместимость (1) с другими означает, что (1) и (2), (3), (4) и т.д. сосуществуют, но при этом отщеплены друг от друга.

Глава 22

1. Написание данной книги является реализацией **К**. Трудности в различении страдания пациента и «нарушения мышления» похожи на трудности, окружающие ученых и тех, кто заинтересован в установлении фактов, тем, что возникают они из-за невозможности наблюдать факты и поэтому включают в себя исследование природы неудачи. Неспособность пациентов переносить тяготы из-за нарушений мышления явно лежит внутри личности. Психоанализ этой неудачи невозможен без понимания проблемы, с которой сталкивается философ науки, и, наоборот, его проблема не будет полностью представлена без помощи психоаналитического опыта нарушений мышления[1]. Подход к изучению абстракции как части психоаналитического арсенала является, таким образом, двунаправленным. Вначале я разберу абстракцию как фактор альфа-функции в **К**-связи.

2. Представим себе, что младенец переживает повторяющееся эмоциональное состояние, в котором следующие элементы находятся в постоянной связи: человеческий взгляд, ощущение человеческой любви, ощущение отсутствия человека, знание повторяемой матерью фразы: «Это Дэдди». Ребенок говорит: «Да, да, да.» Мать говорит: «Хорошо, Дэдди». Из эмоционального опыта младенец абстрагирует некоторые элементы, и то, что это будет, отчасти зависит от самого младенца; этим абстрактным элементам присваивается имя «Дэдди» — и возникающие в других ситуациях такие же элементы будут находиться в связи; так закладывается словарь. Это не есть описание факта; я придаю этому статус модели, из которой вывожу абстрактную теорию и ожидаю, что она является репрезентацией того, чему соответствует

реализация. Выведенная мною теория состоит в следующем: «Дэдди» — это обозначение гипотезы[1]; гипотеза под названием «Дэдди» — это утверждение, элементы которого находятся в постоянной связи.

3. Теперь младенец знакомится с другими, кто также говорит: «Да-да-да»,— однако в ситуациях, не связанных с обстоятельствами, с которыми ассоциируется «Да-да-да». Это человек, но не тот. Тем не менее, элементы в этой новой ситуации соответствуют элементам ситуаций, которые младенец рассматривает как реализации, соответствующие гипотезе под названием «Дэдди». Гипотеза должна быть пересмотрена, чтобы представлять реализации. Она может быть отвергнута в пользу других или может стать системой гипотез — научной дедуктивной системой. Опыт продолжается, и научная дедуктивная система становится все более сложной. При использовании модели для построения (абстрагирования) теории индивидуум должен обладать способностью к абстрагированию элементов из эмоционального опыта, которые возникают в постоянной связи, включая и тот элемент, который в один и тот же момент является именем для теории, или гипотезы, или научной дедуктивной системы; он является также именем реализации, которая, как предполагается, аппроксимирует теорию. Таким образом, «цепь» — это (1) имя, данное вещи-в-себе, так как предполагается, что она существует в реальности; она, согласно Канту, для нас непознаваема[1]. (2) имя, данное избранному факту. (3) имя, данное выборке чувств, впечатлений и т.п., которые ощущаются, с позиции избранного факта, связанными и согласованными. (4) имя, данное определяющей гипотезе (definitory hypothesis), которая устанавливает, что эти элементы находятся в постоянной связи. (3) и (4) соответствуют кантовским вторичным и первичным качествам. Эти отличительные особенности содержания термина «цепь» имеют практическое значение для психоанализа, который сталкивается с необходимостью (и трудностью) общения внутри группы. До сих пор я использовал только два слова — Дэдди и цепь — в качестве примера наименований гипотез, то есть элементов, выведенных (абстрагированных) из эмоциональной ситуации и приведенных в соответствие с этим наименованием.

4. Использование термина «гипотеза» в качестве наименования объекта, который чаще будет называться понятием, является выражением проблемы, возникающей в ходе психоаналитического исследования, и представленной случаем (3). Проблема представления психоаналитического опыта заключается в отсутствии какой-либо адекватной терминологии для его описания и в связи с этим похожа на проблему, которую разрешил Аристотель, предположив, что математика имеет дело с математическими объектами. Удобно предположить, что психоанализ имеет дело с психоаналитическими объектами, что имеет место наряду с обнаружением и наблюдением тех объектов, которыми психоаналитик должен заниматься при проведении анализа. (3) описывает аспект, присущий этим объектам. Я временно применяю термин «гипотеза», так как смысл, связанный с научным использованием этого термина, обладает аспектами, присущими также и психоаналитическим объектам. Идентификация такого объекта зависит от (а) возможности найти средства, посредством которых может быть передана сущность объекта. Это включает в себя применение различных методов, являющихся объектом данного исследования, и (б) психических средств, которыми наблюдатель может распоряжаться. Как (а), так и (б) — оба являются наброском проблем, на которых эти исследования должны сходиться.

5. Из всех элементов реализации лишь некоторые имеют соответствующие чувственные данные, устойчиво связанные друг с другом. Эти элементы и соответствующие им чувственные данные могут поэтому рассматриваться как абстракции из всей суммы элементов реализации. Когда элементам присваивается наименование, которое воспринимается как отличное от представляемой им реализации, имеет место дальнейшее абстрагирование. Абстракция должна быть способной выполнять функцию до-представления. Поэтому должна существовать возможность уточнения обобщения; абстракция должна позволять себя конкретизировать. Термин конкретизация неявно подразумевает модель, из которой он выводится. Модель наполняет мое утверждение смыслом, что позволяет защитить утверждение от слишком сильного отрыва от реальности, при котором оно становится непригодным для соединения с реа-

лизацией. Однако смысл утрачивает силу в отношениях со связью минус **К**. (Впредь я буду писать «**–К**»; более детально это обсуждается в главе 28). Такая неустойчивость смысла и использование этой неустойчивости в **–К** становится очевидной в анализе пациента, который обнаруживает неспособность к абстракции; для него слова и вещи — это конкретные вещи, обозначаемые словами, но они для него неотличимы от их наименований, и наоборот.

6. Связанные с абстракцией проблемы могут быть прояснены, если рассматривать их как движение от общего к частному, от абстрактного к конкретному. Когда я говорю о конкретизации, то я использую (и надеюсь, что буду понят) метафору. Данный класс пациентов не сможет это понять. Для них мир будет массой конкретностей[1]. Это также может быть верно, если они пытаются — как пытаюсь я — прояснить подразумеваемое мною значение, применяя термин конкретизация. Я сознаю, что могу быть неверно понят, но я не думаю, что трудность заключается в нагромождении конкретных деталей, словно все, чего я хочу — это только поговорить.

7. Теория, понимающая термин как утверждение, в котором некоторые элементы находятся в устойчивой связи, а слово является наименованием этого утверждения, может использоваться в качестве модели для формулирования более абстрактной и более всеобъемлющей теории. Реализация каждой эмоциональной ситуации является аппроксимацией теоретической дедуктивной системы, которая ее представляет, даже несмотря на то, что научная дедуктивная система или репрезентация еще не были открыты.

8. Теперь можно сформулировать более просто суть психоаналитического объекта. Допустим, что ψ представляет константу, (ξ) неполный (ненасыщенный) элемент, который, будучи идентифицирован, определяет значение константы. Мы можем использовать неизвестную константу ψ для обозначения врожденного до-представления. Используя модель для того, чтобы временно придать смысл термину «врожденное до-представление» я допущу, что младенец обладает до-представлением о существовании груди, которая удовлетворяет его несовершенную природу. Реализация груди порождает эмоциональный

опыт переживания. Этот опыт соответствует кантовским вторичным и первичным качествам явлений. Вторичные свойства определяют значение неполного элемента **(**ξ**)**, а следовательно, и значение ψ **(**ξ**)**. Теперь это обозначение представляет понятие. Первоначально неполный (ненасыщенный) элемент **(**ξ**)** вместе с неизвестной константой ψ использует компонент, который является врожденным свойством личности. Представим это с помощью **(M)**. Теперь психоаналитический объект может быть представлен посредством ψ **(**ξ**)** **(M)**. Значение **(M)**, как и **(**ξ**)**, определяется эмоциональным опытом, вызванным реализацией, то есть — в предполагаемой мною модели — контактом с грудью. Значение психоаналитического объекта ψ **(**ξ**)** **(M)** затем определяется путем выяснения **(**ξ**)** **(M)**, что выводится при реализации.

9. Это не все. Дополнение к понятию психоаналитического объекта, как и все дополнения к биологическим понятиям, включает в себя явления, связанные с ростом. Рост может рассматриваться как положительный или отрицательный. Я буду представлять его посредством **±(Y)**. Знаки плюс и минус используются для придания смысла или направления тем элементам, перед которыми они стоят, подобно тому, как они используются в геометрических координатах. Чтобы показать этот аспект дополнения, я представлю психоаналитический объект посредством {**(±Y)**ψ **(M)(**ξ**)**}. Предшествует ли **(Y)** знак плюс или знак минус, будет зависеть лишь от контакта с реализацией. Абстракция на основе психоаналитического объекта будет связана с разрешением конфликтующих требований нарциссизма и социального «изма». Если направление является социальным **(+Y)**, то абстракция будет связана с изоляцией первичных свойств. Если направление является нарциссическим **(–Y)**, то абстракцию заменит активность, соответствующая –**K**, которую я еще не разбирал.

10. **K**, которой ограничен аналитик, включает абстракцию, построенную на основе психоаналитического объекта, представленного {**(Y)**ψ **(M)(**ξ**)**}. Абстракция должна служить константой так, чтобы удовлетворить функции от неизвестного и, кроме того (с позиции аналитического объекта, из которого она выводится), иметь атрибуты до-представления, которое,

в отличие от врожденного до-представления, имеет оттенок смысла. Она остается неизвестной, но ограничивается диапазон значений, которые могут быть присвоены ей путем идентификации (ξ). Термин «априорное знание» может применяться лишь к психоаналитическим объектам, где ψ является неизвестной и значение ее может без ограничений определяться путем идентификации (ξ).

Необходимо найти такие гипотезы, которые можно было бы использовать в научных дедуктивных системах либо как предпосылки, либо как производные гипотезы. Затем может обнаружиться, что эти научные дедуктивные системы, выведенные (абстрагированные) из эмоциональных переживаний, представляют другие эмоциональные переживания, из которых они не были выведены, но которые могут рассматриваться как аппроксимации рассматриваемой репрезентативной научной дедуктивной системы. Научная дедуктивная система может затем быть вновь абстрагирована по аналогии с алгебраическими вычислениями.

Глава 23

1. Пуанкаре следующим образом описывает процесс создания математической формулы:

«Если новый результат действительно имеет какое-либо значение, то он должен объединять давно известные элементы (хотя пока и разрозненные и, по-видимому, чуждые друг другу) и внезапно вводить порядок там, где внешне господствовал беспорядок. Тогда это дает нам возможность легко найти каждый из этих элементов в том месте, которое он занимает в целом. Важным является не только новый факт, значимый сам по себе, но и то, что он один придает смысл объединяемым старым фактам. Наше сознание хрупко, как и наши чувства; оно теряется в сложном мире, если эта сложность не находится в гармонии; подобно близорукому, оно может видеть лишь детали и будет вынуждено забывать все эти детали при переходе к следующим, поскольку не способно охватить их в целом. Единственно достойными нашего внимания являются только те факты, которые создают порядок в этой путанице и таким образом делают ее доступной для нас»[1].

2. Это описание имеет сходство с психоаналитической теорией параноидно-шизоидной и депрессивной позиций, описанной миссис Кляйн. Я воспользовался термином «избранный факт» при описании того, что психоаналитик переживает в процессе синтеза. Имя элемента используется для уточнения избранного факта, то есть наименования того элемента реализации, который возникает и связывает вместе прежде несвязанные элементы. Репрезентации избранных фактов могут рассматриваться тогда как единообразно связанные, если можно найти соответствующую репрезентацию нескольких избранных фактов. Избранные факты вместе с избранным фактом, согласую-

щим несколько избранных фактов, происходят из психоаналитического объекта или серий таких объектов, но не могут быть формально представлены в соответствии с принципами, управляющими научной дедуктивной системой. Прежде, чем такую систему можно будет создать, избранные факты должны претерпеть сознательные рациональные изменения. Только после этого можно будет описать репрезентацию, которая встроит все элементы связных избранных фактов в научную дедуктивную систему. В научной дедуктивной системе гипотезы группируются в системе согласно правилам, но это не относится к тому, что (при реализации) связывает вместе элементы, взаимоотношения между которыми должен обнаружить избранный факт. Теперь те правила, которыми гипотезы объединялись в систему (а именно в научную дедуктивную систему), являются законами логики. Отношения между гипотезами в научной дедуктивной системе (а именно логическая связь между ними), представляемые этой системой, являются свойством скорее сознательного рационального мышления, а не отношений между элементами реализации, согласующихся в результате открытия избранного факта. Избранный факт — это обозначение эмоционального опыта, эмоционального переживания чувства, связанного с обнаружением согласованности; поэтому избранные факты имеют лишь эпистемологическое значение и отношения между ними не должны рассматриваться как логические. Элементы, которые мыслятся связанными, в реальности представлены вещами-в-себе. Должны ли мы предполагать, что избранный факт является вещью-в-себе, а также, по аналогии, что отношения (а именно логические отношения) между элементами в дедуктивной системе также представлены в реальности — вещью-в-себе, которая аппроксимирует дедуктивную логику? Фактически математические утверждения похожи на попытку формально представить систему отношений между математическими объектами, которая может быть аппроксимирована некоторой реализацией отношений. Другими словами, нет оснований считать, что логические правила преобразования элементов научной дедуктивной системы должны иметь какую-либо соответствующую реализацию. Отсюда следует, что элементы аналитического объекта могут быть связаны друг с другом совершенно

иначе, нежели репрезентации в научной дедуктивной системе. Прогресс в понимании взаимосвязей, вероятно, будет зависеть от прояснения посредством **К** –**К**-связи и относящихся к ней психоаналитических объектов.

3. Сеть взаимосвязей, которую можно видеть в научной дедуктивной системе или при вычислениях, может не иметь никакой реализации, и причины этому следующие. Успех исследования был связан с неживыми объектами, общими для живых и неживых. В этом случае, по-видимому, должна существовать соответствующая реализация логической структуры научной дедуктивной системы (и алгебраических вычислений), потому, что она выводится (абстрагируется) из похожих реализаций. Иными словами, существует реализация, входящая в научную дедуктивную систему и примерно соответствующая реальной сети отношений. Изучение живых элементов не дает такого соответствия. Повествовательная связь элементов отличается от тех ассоциаций, которые можно выявить при переходе от параноидно-шизоидной к депрессивной позиции.

4. Повествовательная форма объясняется причинной теорией, другие формы — депрессивной позицией и избранным фактом. Для этих теорий может и не быть соответствующей реализации.

5. В качестве «модели» некоторого будущего переживания может использоваться любой пережитый опыт. Этот аспект научения через опыт переживания может быть отнесен (или даже приравнен) к той функции, которой Фрейд наделял внимание, когда говорил, что внимание должно «периодически обследовать внешний мир для того, чтобы данные его наперед были известны, если появится неотвратимая внутренняя потребность». Модель необходима потому, что она обеспечивает доступ к известным данным, когда в них возникает неотвратимая внутренняя или внешняя потребность. Модель выкристаллизовывается из избранного факта. Согласованность элементов отождествляемой с реализацией модели ощущается затем как присущая элементам реализации.

6. Прежде чем эмоциональный опыт можно будет использовать в качестве модели, его чувственные данные должны быть преобразованы в альфа-элементы, которые можно хранить

и использовать для абстракции. (В **–К** от смысла абстрагируются, оставляя только репрезентацию.) Моделирование в ходе переживания относится к необходимой для данного опыта модели; альфа-функция в ходе переживания обеспечивает альфа-элементы, необходимые для моделирования в последующих опытах; модель выкристаллизовывается в ходе переживания, которому эта модель необходима. Элементы извлекаются из памяти и встраиваются в модель, которая является аппроксимацией события. Личность выводит (абстрагирует) из переживаний элементы, которые кажутся повторяющимися, и формирует из этих элементов модель, которая, сохраняя что-то из исходного опыта, будет при этом достаточно гибкой, чтобы допустить адаптацию к новым, но, как предполагается, похожим опытам переживаний. Она абстрагирует элементы, которые используются для построения модели или абстракции, либо того и другого. Я буду использовать термин «модель» там, где логическая структура настойчиво выдвигается вперед для удовлетворения «неотвратимой потребности» в конкретизации. («Конструкт», «выдвижение», «конкретизация» — все эти слова имеют смысл применительно к моделям, из которых они абстрагировались. Я опустил «переход» как пример латентного — хотя в данном случае и достойного внимания — воздействия модели.) Если потребность является моделью, то эти элементы будут абстрагироваться из хранящихся в памяти альфа-элементов, которые являются — подобно зрительным образам — воспоминаниями об эмоциональном переживании, в ходе которого они были сформированы. Чем больше таких элементов, тем более жесткой становится модель и тем более ограниченной оказывается область ее применения; область ограничения меняется, если модель, построенная на основе комбинации элементов, затем подвергается дальнейшему абстрагированию. Тогда абстракции должны сочетаться согласно правилам логики. Такая система абстракций является научной дедуктивной системой.

Глава 24

1. Допустим, что пациент выдал ряд ассоциаций наряду с другим материалом. Аналитик имеет в своем распоряжении:

(1) Наблюдения за материалом пациента;

(2) Различные собственные эмоциональные переживания;

(3) Знание об одной или более версиях мифа об Эдипе[1];

(4) Один или более вариант психоаналитической теории эдипова комплекса;

(5) Другие фундаментальные психоаналитические теории.

Некоторые аспекты сессии будут казаться знакомыми; они будут напоминать ему прошлые аналитические и другие переживания. Другие аспекты будут казаться имеющими сходство с эдиповой ситуацией. На этой основе аналитик может строить модель; проблема может быть связана с принятием решения о том, сбивает ли аналитика с толку реализация фрейдовской теории эдипова комплекса. Теория эдипова комплекса не соответствует в точности тому, что физик бы назвал научной дедуктивной системой, однако она может быть представлена формально и войти в такую категорию. Слабость теории как представителя данного класса, по-видимому, состоит в недостаточной абстрактности и той особой структуре, посредством которой элементы связываются друг с другом. Отчасти это обусловлено тем, что чем более конкретными являются элементы, тем менее вариабельны их сочетания.

2. К тому же два фактора: (1) реальная природа сети отношений, в которых находятся элементы и (2) производные элементов мифа — контрастируют с элементами научной дедуктивной системы в том виде, в каком она используется физиком. Подразумевается, что последние происходят из одной реализации и способны представлять собой другую, в то время

как психоаналитическая формулировка является производной эмоционального восприятия разговорной речи (позволяющей ее выразить) и используется для обозначения встретившейся в психоанализе реализации. Фрейд вывел свою теорию из эмоционального опыта психоаналитического исследования, однако его описание не может сравниваться с формулировками, обычно принятыми для представления научного открытия. Я хочу разобрать лишь два методологических изъяна, присущих теории эдипова комплекса. Они состоят в следующем:

(1) Теория в своем устоявшемся виде является настолько конкретной, что не может соответствовать реализации; то есть невозможно найти реализацию, которая бы аппроксимировала теорию, чьи элементы (конкретные сами по себе) укладывались бы в повествовательную сеть отношений, им внутренне присущую и необходимую. Вне повествования элементы теряют свое значение.

Обратно:

(2) Если элементы генерализуются, то теория превращается в изобретательную манипуляцию элементами, согласно произвольным правилам. Простейшим проявлением этой стороны теории является критика склонности аналитика и анализанда к жаргону.

3. Теоретическая формулировка, которая, будучи слишком конкретной, все еще является слишком абстрактной, должна быть генерализована так, чтобы делать реализации более легко обнаруживаемыми и при этом не казаться (что наиболее часто можно наблюдать в математике) произвольной манипуляцией символами. Способна ли теория сохранять конкретность своих элементов и при этом не терять гибкости, столь необходимой в психоаналитической практике? Теорию можно сделать более абстрактной, хотя мы можем и не найти алгебраических выражений для представления научной дедуктивной системы. Позже я расскажу подробнее об этой возможности.

4. Я убежден в устойчивости научных позиций психоаналитической практики. Я полагаю, что психоаналитическая практика, делающая психоанализ неотъемлемой частью подготовки, касается фундаментальных трудностей, связанных со временем существования, поскольку делает сознательное

и бессознательное доступными для установления между ними связи; однако я не преуменьшаю важность необходимости исследовать слабые места, которые являются следствием несовершенства теоретической конструкции, недостатков системы обозначений и неудачи в методологической заботе и поддержке технических средств психоанализа. («Забота», «поддержка», «технические средства» — снова не выраженная явно модель.)

Глава 25

1. Модель может рассматриваться как результат абстрагирования эмоционального опыта или как конкретизация абстракции. Последнее является средством преобразования гипотез в термины эмпирически верифицируемых данных. В группе людей миф можно в какой-то мере рассматривать выполняющим ту же роль в обществе, что и модель — в индивидуальной научной работе.

2. В качестве примера модели я возьму гипотетическую историю младенца, обучающегося слову Дэдди. Эта история не является фактом. Она происходит из опыта пациента в анализе, из наблюдений за детьми, из выборочного чтения, из некоторых философских и прочих источников; короче, она происходит из опыта — *моего* опыта переживания. Она является артефактом, построенным из элементов, которые были отобраны мною из воспоминаний об опыте. Но она была создана с определенной целью; выбор и сочетание элементов отнюдь не случаен, а служит «объяснению» или освещению проблемы абстракции. В силу этого она не может служить доказательством; ценность ее заключается в той легкости, с которой она может сочетаться и сравниваться с фактами. По контрасту отчет пациента, воспринимающего слова как вещи, является не моделью, а примером; представленное мною описание имеет смысл реализации. Модель была создана для освещения опыта, пережитого мною с данным пациентом, и используется для сравнения с реализацией. В принципе всякая реализация приближается к абстракции или научной дедуктивной системе, даже если первая, которой она соответствует, еще не была открыта (стр.49). Когда я сравниваю модель с реализацией, то в моем исполнении это может привести к тому способу освещения, который я хочу; может оказаться, что она настолько бесполезна, что я сочту модель ничего не стоящей

и отброшу ее. В этом отношении модели эфемерны и отличаются от теорий; я не раскаиваюсь в том, что отбрасываю модель, как только она удовлетворит мою цель или потерпит неудачу в ее удовлетворении. Если модель доказала свою полезность на примере нескольких случаев, то значит пришло время рассмотреть вопрос преобразования ее в теорию.

3. Психоаналитик может создать столько моделей, сколько отберет для себя материала. Важно только не путать эти эфемерные структуры с реализациями, с одной стороны, или с теориями — с другой. Модель выполняет важную функцию при условии, что всегда известно, чему она служит. Если аналитик считает, что он описывает актуальное событие, то он должен сделать это ясным и не размывать различие между моделью и событием, на достоверность которого указывает свидетельство. То же относится к различию между моделью и теорией. Я разберу трудности, связанные со стремлением аналитика избежать путаницы при установлении различий между теорией и моделью, а также между моделью и особой формой теории, известной как психоаналитическая интерпретация.

4. Процесс абстрагирования может идти непосредственно от реализации к научной дедуктивной системе, вступая в фазу построения модели. Из модели выбираются элементы и используются в качестве элементов научной дедуктивной системы. Необходимость подобной процедуры становится очевидной, когда модель используется для освещения аппроксимирующей ее реализации, но найденная модель оказывается затем недостаточно подходящей для прояснения рассматриваемого решения проблемы. Я опускаю те непредвиденные обстоятельства, которые возникают, когда реализация ошибочно ставится в соответствие модели; эта неудача преодолевается посредством создания новой модели. Серьезная ошибка возникает, когда модель рассматривается как максимально приближающаяся к тому, чтобы аппроксимировать реализацию, но в то же время при преобразовании собственной внутренней структуры неправильно отражает процессы развития реализации. Эта ошибка может возникать всякий раз при создании модели; однако риск ее появления должен быть выше, когда (как в психоанализе) мы имеем дело с развитием и говорим о «психических механиз-

мах». Сказать «механизм» — значит признать, что всякий раз, когда явление описывается таким образом, это равносильно предположению, что модель больше подходит для описания бездушной машины, чем живого организма. Это похоже на подчеркивание тех аспектов живого организма, которые являются общими у него с неживым. Это серьезный недостаток, поскольку моделирование нам требуется при встрече с наиболее сложной проблемой — когда свойства развития занимают центральное место; и так обстоит дело большую часть времени. Отказ от использования моделей опасен слишком сильным абстрагированием и не облегчает решение. Психоаналитики поэтому неизбежно оказываются в ситуации, когда модель, используемая для того, чтобы избежать опасностей теоретизирования (к которому я отношу и интерпретацию), претерпевает дополнительное искажение из-за чрезмерной близости к реализации, из которой она была получена, и, соответственно, оказывается неподатливой, когда необходимо представить реализацию, от которой она отличается чрезмерной конкретностью. Этот недостаток имеет сходство с таковым у бета-элемента как элемента мышления. Преобразование модели, используемой в качестве обобщения, аналогично процессу, посредством которого чувственные данные преобразуются в альфа-элементы. Альтернативой поиска или построения новой модели является пересмотр старой с целью дальнейшего абстрагирования. Модель таким образом заменяется Научной дедуктивной системой. В качестве примера относящихся к данной теме положений я возьму научный подход к проблемам **К**-отношений.

Глава 26

1. Термины Любовь, Ненависть и Познание предшествуют моделям. Связь может означать модель или абстракцию. Неудача пациента в решении своих проблем может в некоторых случаях быть связана с тем, что он неправильно использует модель. При построении своей модели аналитик должен в таких случаях осознать и прояснить модель, используемую пациентом. Модель аналитика должна давать возможность интерпретировать факты, которые попадают в поле исследования. Если аналитик предполагает, что мышление пациента ошибочно, и что это является источником его затруднений, то ему потребуется модель, а также теория собственного мышления; ему потребуется модель мышления пациента, а также ему потребуется сделать из этого вывод о том, как сам пациент представляет себе собственную модель мышления. Затем он может сравнить свою модель и абстракцию с таковыми у пациента. Пациент, который считает, что слова — это вещи-в-себе, не чувствует, что он делает то же самое, что, по нашему мнению, он должен делать, когда мы говорим, что он «думает». Чтобы сравнить общепринятый взгляд на мышление с взглядом на мышление пациента, необходимо найти подходящую модель и теорию. Одна модель — как мы видели — является широко распространенной: эта модель построена на основе эмоционального опыта, связанного с пищеварительной системой. Как правило, нет необходимости отказываться от этой модели (хотя недостатки ее очевидны) — она по-прежнему позволяет нам говорить о «непереваренных фактах». Однако для психоаналитического исследования мышления она является неподходящей, и требуется иная модель. Такая необходимость стала очевидна при психоаналитическом исследовании нарушений мышления. Исследование развития мыш-

ления показывает, что некоторые индивидуумы ведут себя так, как если бы их модель мышления была отличной от модели здоровой системы пищеварения или, возможно, системы пищеварения вообще. Именно поэтому необходимо выяснить, в чем состоит их модель.

2. Фрейд описывал мышление как средство ограничения двигательной разрядки («Два принципа...»); оно больше не было связано с освобождением психического аппарата от добавочного раздражения и использовалось теперь как соответствующая замена реальности. Согласно этому взгляду, мышление становится заменой двигательной разрядки, хотя Фрейд не говорил, что двигательная разрядка перестает быть способом освобождения психики от добавочного раздражения. Благодаря проективной идентификации мышление само берет на себя функцию, прежде принадлежавшую двигательной разрядке, а именно — избавление психики от добавочного раздражения; подобно «действию», она может быть направлена на изменение окружения, в зависимости от того, нацелена ли личность на уклонение от фрустрации или на модификацию последней. «Размышление» может рассматриваться как наименование модели или абстракции, полученной на основе реализации; в случае конкретного пациента проблемой является определение того, что он обозначает термином «размышление». Индивидуум может считать, что мыслями пользуются и что мышление не является хорошей грудью, что мышление — это «потребность в груди», направленная на грудь (a «need for a breast» breast). Затем проблемой может стать то, как увидеть использование им «объекта», в особенности если пациент чувствует себя неспособным изгнать его — освободиться от этих добавочных внутренних раздражений.

3. Проблема упрощается, если считать, что «мысли» эпистемологически предшествуют мышлению и что мышление должно развиваться как метод или аппарат для работы с «мыслями». Если это так, то многое будет зависеть от того, уклоняется ли пациент от «мыслей», модифицирует ли он их или использует в попытке уклониться или модифицировать что-то еще. Если кажется, что «мысли» должны вызывать добавочное раздражение, то тогда они могут быть похожи на бета-элементы или идентичны им. В этом случае они будут включены в двигательную

разрядку, которую будет вызывать действие мускулатуры. В силу этого с говорением должны быть связаны потенциально два разных вида деятельности: один — способ передачи мыслей, и другой — использование *мускулатуры* для освобождения личности от мыслей.

4. Аппарат должен делать возможным обдумывание уже существующей мысли. В качестве «модели» мышления я возьму чувство голода, которое связано со зрительным образом груди, но относится не к удовлетворению, а к разряду необходимости. Этот нужный объект является плохим объектом. Все необходимые объекты являются плохими объектами, поскольку они вызывают мучения. Они являются необходимыми, поскольку реально находятся вне власти субъекта; если бы они были подвластны субъекту, то он не испытывался бы в них недостатка. Поскольку такие объекты не существуют, они являются особыми (странными) объектами, отличными от тех, которые существуют. Тогда мысли (или те примитивные элементы, которые являются протомыслями) являются плохими, необходимыми объектами, от которых необходимо избавиться в силу их плохости. От них можно избавиться либо путем избегания, либо путем их модификации. Проблема решается посредством изгнания, если личность находится во власти импульса избегания фрустрации, и посредством размышления над объектом, если личность находится во власти импульса к изменению фрустрации. Путаница и сложности в аналитической практике возникают у аналитика потому, что личности обоих типов используют одни и те же названия для объектов, являющихся существенно различными. Различие может быть выявлено в ходе сравнения. Если доминирует уклонение, то имя указывает на бета-элемент, являющийся вещью-в-себе, а не именем, которое эту вещь представляет. Вещь-в-себе является несуществующей и потому вызывает мучения. С ней обращаются посредством лишения (изгнания). Если доминирует стремление к модификации, то имя указывает на альфа-элемент, являющийся обозначением репрезентации вещи-в-себе. Имя является обозначением вещи-в-себе, которое существует и в силу этого потенциально доступно для использования при достижении целей. Другое осложнение вызвано тем, что

пациент едва ли будет последователен в использовании имен и вряд ли будет прояснять, какого рода объекты он обозначает, используя имя.

5. Если пациент не может «размышлять» над своими мыслями, то есть если, имея мысли, он ощущает недостаточное функционирование аппарата «мышления», позволяющего этими мыслями пользоваться (как бы думать их), то в этом случае прежде всего интенсифицируется фрустрация, поскольку отсутствует мышление, которое должно «позволять психическому аппарату переносить возросшее во время задержки процесса разрядки напряжение»*. Шаги, предпринимаемые пациентом для избавления себя от объектов, протомыслей или мыслей, не отличимых для него от фрустрации, должны затем его приводить в точности к тому, чего он желал избежать, а именно к напряжению и фрустрации, нисколько не смягченных способностью к мышлению. Отсутствие способности к мышлению поэтому приводит к двойной неудаче. Это вызвано отсутствием альфа-элементов, а при их наличии — отсутствием аппарата для их использования. Двойная неудача играет существенную роль в психоанализе психотических пациентов, когда пациент восстанавливает альфа-функцию (и, в силу этого, способность к сновидению), но все еще не способен думать. Тогда он прибегает к проективной идентификации как к механизму работы с «мыслями». Но если альфа-функция развилась, то возрастает роль принципа реальности и, соответственно, изменяется проективная идентификация, которая в определенной мере теряет свое качество всемогущественной фантазии и усиливает способность пациента наполнять ее содержанием.

6. В клинике это видно в усилении у пациента чувства потери при проговаривании. Возникающее чувство потери дает начало осознанию того, что утраченные мысли являются хорошими и значимыми, отличными в этом отношении от бета-элементов. Аналитик также начинает осознавать, что изменилось воздействие на него манипуляций пациента.

7. «Размышление» в смысле включенности в такую активность, которая связана с использованием мыслей, находится в зародышевом состоянии даже у взрослого и должно тем не

менее полностью развиться у людей. На это направлены совершенно сознательные усилия. Проблема более точно схватывается и познается, если ее рассматривать в связи с (1) «мыслями» и (2) «мышлением», которое развивается в ответ на бросаемый существованием «мыслей» вызов. В психоанализе «нарушений мышления» психоаналитическое исследование должно быть сосредоточено на развитии и природе «мыслей», альфа- и бета-элементов, и далее — на сущности аппарата, используемого для работы с «мыслями». Только после этого можно направлять исследование на то, какое содержание или какой-то другой фактор вносит вклад в нарушение. Разделение на два класса и приписывание первичности «мыслям» подчиняется ограничениям, свойственным отношениям (существующим во всякой научной работе) между реализацией и репрезентирующей ее теорией, которую, как предполагается, она аппроксимирует. Такое деление и такие приоритеты являются эпистемологически и логически необходимыми. Это значит, что теория, полагающая мысль предшествующей мышлению, сама является априорной (в иерархии гипотез научной дедуктивной системы) по отношению к гипотезе мышления. Соответствующий приоритет является эпистемологически необходимым в реализации, которая соответствует описанной мною здесь в общих чертах теории мышления.

8. Мы обращаемся к научной дедуктивной системе вследствие того, что модель, созданная в ходе эмоционального переживания и призванная его прояснять, не является в достаточной мере абстрактной. Ее элементы возникают из предшествующих эмоциональных переживаний и развиваются благодаря действию (сопутствующему эмоциональному опыту) альфа-функции. Модель формируется в ходе применения навыка аналогичного тому, что происходит при функционировании двух глаз, участвующих в объемном видении, действия которых направлены на установление связи между двумя зрительными образами одного объекта. Использование в психоанализе сознательного и бессознательного при рассмотрении психоаналитического объекта аналогично использованию двух глаз при рассмотрении чувствительного к свету объекта. Фрейд приписывал данную функцию — органа для восприятия пси-

хических свойств — только сознанию. Научная дедуктивная система детально разрабатывается в отсутствие эмоционального опыта и представляет из себя акт сознательного построения, в процессе которого выбираются символы и формулируются правила манипулирования ими. Может ли такая процедура с пользой быть применена к психоаналитическому исследованию развития мыслей и использующего их аппарата ? Я попытаюсь ответить на этот вопрос в последней главе книги, а также упомяну об этом, когда буду подводить итог.

9. При использовании теории на первом месте стоит требование надлежащих условий наблюдения. Наиболее значимым среди них является собственный психоанализ наблюдателя, призванный гарантировать сведение к минимуму его собственных внутренних напряжений и сопротивлений, которые в противном случае нарушили бы процесс рассмотрения фактов, сделав невозможным установление связи с помощью сознания и бессознательного. Не менее важной для аналитика является способность проявлять терпение. Дарвин отмечал, что суждение мешает наблюдению. Тем не менее, психоаналитик должен вмешиваться с интерпретациями, а это подразумевает использование суждения. Состояние грез (мечтаний), задействующее альфа-функцию, настойчивое подчеркивание избранного факта и формирование модели вместе с арсеналом средств, сводящихся к нескольким существенным теориям,— все это снижает вероятность резкого искажения наблюдения, которое имел в виду Дарвин; интерпретации могут приходить в голову аналитика без значительных искажений в наблюдении.

10. «Избранный факт», то есть такой элемент, который согласует объекты параноидно-шизоидной позиции (и тем самым вызывает переход на депрессивную позицию), обеспечивает такое согласование путем вращения членов ряда различных дедуктивных систем в точке их пересечения. Обнаружение избранного факта сопровождается эмоцией, которая возникает при двояком отношении к объекту. В целом основой процесса является расслабленное внимание; это основа для абстрагирования и идентификации избранного факта. Из полученной таким образом модели и из ее соответствия реализации должна выводиться (абстрагироваться) специальная теория — психоаналитическая

интерпретация. Такая абстракция подразумевает отличие психоаналитической интерпретации от теории, связанной с научной дедуктивной системой. Аналитика должны интересовать две модели: одну он использует в своей деятельности, а другая неявно содержится в материале, предоставляемом пациентом.

11. Вначале я рассмотрю модель, которую создает аналитик. Модель строится как часть теоретической конструкции и сама по себе *не* является интерпретацией того, что имеет место (за исключением общеупотребительного значения термина). Релевантной теорией может быть теория эдипова комплекса. Аналитик должен определить из материала пациента, почему тот продуцирует его и какой должна быть правильная интерпретация. В этом поиске участвует модель, позволяющая аналитику связать то, что говорит ему в данный момент пациент, с теорией или теориями, известными в психоанализе (как, например, Эдипов комплекс). Модель покрывает пространство двух групп идей: тех, что относятся к материалу пациента, и тех, что связаны с основным содержанием психоаналитической теории.

12. Построение модели позволяет сохранить структуру психоаналитической теории и при этом не терять гибкость, необходимую при встрече с актуальными потребностями психоаналитической практики. С одной стороны, теория может оказаться слишком застывшей из-за своей конкретности, а с другой стороны — открытой к бесконечному расширению, поскольку аналитики, оказавшись в тупике, могут предпочесть выстроить новую теорию ad hoc, нежели переносить трудности, связанные с правильным использованием уже существующей теории. Достоинство теории функций и развития модели как ее неотъемлемой части состоит в том, что перед аналитиком открывается множество путей удовлетворения себя и, следовательно, своего пациента — то есть реального мужчину или женщину, страхи которых тщательно исследуются, а не рассматриваются всего лишь как психические механизмы сосания. В то же время необходимое для этого уточнение не подразумевает расширение теорий. Модель позволяет установить соответствие между размышлениями пациента и основным содержанием психоаналитической теории посредством интерпретаций, которые тесно связаны как

с теорией, так и с утверждениями и поведением пациента. Таким образом, моделирование увеличивает число доступных возможностей, а также число психоаналитических теорий, необходимых психоаналитику в качестве рабочего инструмента. Если каждый аналитик поставит перед собой задачу создания руководства по психоаналитическим теориям с тем, чтобы обеспечить минимальный набор областей, из которых могут быть выведены самые разные вспомогательные теории, то я считаю, что таких основных теорий могло бы быть не больше шести. Психоаналитическая позиция (вершина) зиждется не на тех теориях, которыми в принципе может овладеть аналитик, а на том минимальном их количестве, с которым он способен соотнести любой вероятный случай. Диапазон таких теоретических средств зависит от используемого им метода, а он, в свою очередь,— от процесса моделирования. Если модель и теория четко различаются, то тогда будет менее выражена тенденция выдвигать новые теории там, где в этом нет необходимости. Опасность представляют слишком узкие рамки теоретической системы, которая фрустрирует не потому, что является неадекватной, а потому, что используется не должным образом.

Глава 27

В этой главе я займусь построением нескольких теорий, являющихся, на мой взгляд, полезными. Глава может служить примером того, как использовать теорию функций и другие выдвинутые мной идеи, и таким образом выполняет роль обобщения основных моментов данной книги.

К-связь

1. Теория функций и теория альфа-функции не входят в состав психоаналитической теории. Они являются рабочим инструментом практикующего психоаналитика, облегчающим решение проблем, связанных с размышлением над чем-то таким, что еще не стало известным.

2. Термин «функция», использовавшийся в смысле функции личности, не имеет того значения, которое вкладывают в него математики и математические логики, хотя и обладает чертами, общими для обоих этих значений. Я предлагаю использовать его как термин в психоаналитической практике; в развернутом виде (если еще остались сомнения) термин звучит как «психоаналитическая функция личности», для краткости можно говорить просто «функция» и обозначать символом ψ. Альфа-функция является фактором ψ.

3. Термин «фактор» обозначает элемент какой-либо функции. Фактор может быть представлен как неполный (ненасыщенный) элемент (ξ) в $\psi(\xi)$, при этом должна существовать аппроксимирующая его реализация. Что это за реализация, отвечающая элементу (и удовлетворяющая ему в математическом смысле удовлетворения уравнению),— должно определить собственно психоаналитическое исследование.

4. Теория функций и альфа-функция в частности не убавляет и не прибавляет ничего к существующим психоаналитическим теориям. В этом состоит ее отличие от всех последующих аргументов.

5. Мелани Кляйн описала такой связанный с модификацией инфантильных страхов аспект, как проективная идентификация; младенец проецирует часть своего психического, а именно — плохие чувства, на хорошую грудь. После этого, по мере протекания процесса, они удаляются и ре-интроецируются. За время своего пребывания в хорошей груди эти плохие объекты переживаются, преобразуются и ре-интроецируются, но уже как объекты, переносимые для психики младенца.

6. Из описанной выше теории я вывожу (абстрагирую), во-первых, идею контейнера, в который проецируется объект, и, во-вторых, объекта, который может быть спроецирован в контейнер; последний я должен обозначить термином контейнируемое. Неудовлетворительность обоих терминов указывает на необходимость дальнейшего абстрагирования.

7. Контейнер и контейнируемое восприимчивы к установлению связей и наполнению эмоциями. Так связывание, или наполнение, или оба процесса вместе приводят к изменению, обычно описываемому как развитие. Принятие эмоции как общей или отрицание ее уменьшает жизненность, то есть сближает с неживыми объектам. Контейнер и контейнируемое — это модели абстрактной репрезентации психоаналитической реализации.

8. Следующий шаг абстрагирования заставляет нас принять следующие обозначения. Я буду использовать символ ♀ для абстракции, представляющей контейнер, и ♂ — для контейнируемого.

9. Эти символы являются не только обозначениями, но также обладают собственным содержанием. Они являются переменными или неизвестными в той мере, в какой они могут меняться. Они являются константами в том смысле, что могут заменяться только константами. Для синтаксических целей они используются как факторы.

10. Пересматривая **К** в свете предыдущего обсуждения, отмечу, что хотя **К** в принципе является функцией двух объектов, ее можно рассматривать как функцию одного из них.

Самое раннее и наиболее примитивное проявление **К** можно наблюдать во взаимоотношениях между матерью и младенцем.

В рамках взаимодействия частичных объектов их можно описать как взаимоотношения между ртом и грудью. Используя абстрактные термины,— это взаимоотношение между ♂ и ♀ (я уже говорил об использовании этих символов).

В **K**, **L** и **H** входят факторы и, следовательно, присутствует подчиненность; ♂ проецируется в ♀, после чего следует абстракция, для описания которой я воспользуюсь термином сопутствующий (commensal). Сопутствие означает, что связанные друг с другом ♂ и ♀ приносят друг другу пользу и не причиняют вреда. Используя термины из модели, можно сказать, что мать извлекает пользу и достигает психического роста на основе переживаемого опыта: младенец тоже извлекает пользу и достигает роста.

11. Активность, описанная мною здесь как общая для двух индивидуумов, интроецируется младенцем так, что аппарат ♂ ♀ становится у младенца частью аппарата альфа-функции. Модель подкрепляется идеей о том, что младенец, засовывающий вещь себе в рот, таким образом исследует ее. То, что посредством разговора первоначально делала мать (возможно, рудиментарная функция обозначения), замещается собственной детской речью младенца.

12. Используя пункт 11 в качестве модели, из которой выводится теория для представления реализации развития мыслей, я предлагаю следующие термины: (a) До-представление. Этот термин отражает состояние ожидания. Термин аналогичен переменной в математической логике или неизвестной в математике. Он обладает свойством, которое Кант приписывал чистому сознанию, в том смысле, что до-представление можно мыслить, но не знать.

(b) Представление. Представление — это то, что возникает, когда до-представление соединяется с соответствующими чувственными впечатлениями. Я должен использовать фразу, в которой подразумеваемая модель является очевидной. Абстракция на основе взаимоотношения до-представления и чувственных впечатлений является ♀ для ♂ (НЕ ♂ для ♀).

13. Подведем итог. Форма взаимоотношений между матерью и младенцем, описанная Мелани Кляйн как проективная идентификация, интернализуется, образуя аппарат для регули-

рования до-представления и чувственных данных, связанных с соответствующей реализацией. Этот аппарат представляет собой модель: соединение до-представления с чувственными впечатлениями приводит к возникновению представления. Эта модель в свою очередь представляется как ♂ ♀.

14. Повторяющееся соединение до-представления и чувственных данных приводит к сопутствующей абстракции и способствует развитию ♂ и ♀. Иными словами, способность воспринимать чувственные впечатления развивается наряду со способностью осознавать чувственные данные. Развитие ♂ и ♀ наглядно может быть представлено моделями, описанными ниже в пунктах 16 и 17.

15. Для модели развития ♀ я заимствую у Элиота Джейка понятие «сеть» (reticulum). (Поступая таким образом, я не предлагаю изменять его понятие и не утверждаю, что его использование мною оправдано существенными свойствами понятия. Мой способ использования этого понятия в качестве модели может проясниться в ходе развития психоанализа.) Предлагаемая мною модель состоит в следующем:

♀ развивается и продуцирует серии связанных ячеек (sleeve). В результате образуется сеть, в которой пустоты — это ячейки, а нити, образующие ячейки сети,— это эмоции. Заимствуя у Тарски (Tarski, Introduction to Logic // Введение в логику; Оксфорд, 1956, с. 5) его сравнение анкет с бланками, ячейки можно уподобить пунктам в анкете. Структура анкеты выступает в качестве аналога связывающих нитей сети.

16. Моделью развития ♂ является среда, в которой находятся во взвешенном состоянии «содержания». «Содержания» выглядят выступающими наружу из неизвестного основания. Двумерным образом является парабола. Способом поддержания сопутствующих отношений ♂ и ♀ является толерантная неопределенность. Иными словами, развивающийся ♂ может быть наглядно представлен как аналог элементов параноидно-шизоидной позиции, но без чувства преследования. Это состояние описано Пуанкаре (и цитировалось мною) как состояние, в котором не видно связей между элементами.

17. Формулируя 15 и 16 в абстрактном виде, получаем, с одной стороны, (♀ ≠ ♀ + ♀ ...) и с другой — (♂ . ♂ . ♂ ...), где знак

«+» представляет переменные, заменяемые представляющими эмоции символами, а знак «.» обозначает константу, представляющую неопределенность.

18. Развивающиеся ♂♀ являются основой аппарата научения через опыт переживания. Просмотр пунктов с 5 по 17 приводит к выводу о том, что аппарат для обдумывания мыслей возникает из мыслей и является результатом развития мыслей. Рассмотрим теперь устройство и принцип действия этого аппарата. Подразумеваемая в изложении структура не может быть жесткой и ясно очерченной. Отчасти это связано с тем, что она является уточнением, отчасти же — с тем, что я должен использовать такие живые термины, как аппарат и структура. Я обозначу развитие ♂♀, используя ♂^{n} и ♀^{n}. Символы эти не имеют никакого логического содержания и используются просто для экономии времени.

19. Научение зависит от способности ♀^{n} оставаться интегрированным и при этом не быть ригидным[1]. Это является основой такого психического состояния индивидуума, в котором он может сохранять свои знания и опыт и при этом оставаться готовым перестраивать прошлый опыт так, чтобы быть в состоянии воспринять новую идею. Используя это последнее утверждение в качестве модели абстракции, можно сказать, что элементы (♀), входящие в ♀^{n}, должны фиксироваться постоянной ♀, которая может заменяться,— иными словами, она должна функционировать как переменная. Только при этом условии можно говорить об аппарате, способном изменять эмоции. На замене одной эмоции, представленной ♀, другой эмоцией, также представленной ♀, основана способность к трансформации (и, значит, восприятию) ♀^{n}. Аналогичным образом вхождение ♂ элементов, принадлежащих ♂^{n}, определяется тем же фактором, а именно эмоцией, которая является функцией личности.

20. До сих пор я описывал вид абстракции, названной мною сопутствием, в которой связь между объектами является попутной. **К** зависит от такого типа связи между объектами на протяжении всех фаз психической деятельности и развития. Так как «♀» и «.» обозначают эмоции, то очевидно, что мы должны знать, какие эмоции сопоставимы с сопутствующим взаимоотношением и, следовательно, с **К**. Эта проблема будет в какой-то мере освещена в моей следующей главе, где я разбираю –**К**.

21. Паттерн ♂♀ представляет эмоциональную реализацию, связанную с научением, которая становится все более и более сложной, так как она постоянно воспроизводится на протяжении психического развития. Это развивающееся и повторяющееся явление, представленное $♀^n$ $♂^n$, я попытаюсь описать более ясно, раскрыв один из его аспектов (на его более развитых и сложных стадиях) посредством более усложненного описания.

$♀^n$ представляет позднюю стадию в сериях стадий, которые начинаются с нескольких относительно простых недифференцированных до-представлений, возможно, связанных с питанием, дыханием и экскрецией.

22. Абстракции из начального сочетания ♀ с ♂ включают в себя формирование слов, которые являются наименованиями для различных гипотез, выражающих знаками то, что некоторые чувственные данные находятся в устойчивой связи. Из таких относительно простых начал $♀^n$ $♂^n$ успешно выводят (абстрагируют) более сложные гипотезы и, наконец, целые системы гипотез, известные как научные дедуктивные системы. Эти чрезвычайно сложные системы трудно распознать по их источникам, но, тем не менее, они сохраняют качества восприятия, обозначенные символом ♀. Явления связаны с реализациями множеством связей, поскольку, хотя доступ к реализациям в опыте одного человека ограничен, повторяются они достаточно часто, чтобы открыть расширяющееся пространство, которому предположительно развивающаяся реализация соответствует. $♂^n$ должно поэтому иметь феноменологический аналог, представленный понятием бесконечности.

Элементы многих научных дедуктивных систем должны обладать способностью к рекомбинации, т.е. гипотезы из одной дедуктивной системы должны допускать возможность их использования в качестве предпосылок в других дедуктивных системах. Примеры тому известны. Исходя из предлагаемой теории, можно сказать, что свобода, необходимая для рекомбинации, зависит от наполняющих (suffusing) психику эмоций, поскольку эти эмоции являются соединяющим элементом, в который встроены научные дедуктивные системы и элементы $♂^n$. Если **K**-связь возможна, то терпение к неопределенности и выдерживание чувства бесконечности являются неотъемлемой составляющей соединительного элемента в $♂^n$.

Глава 28

–К-связь

1. При работе с некоторыми пациентами, озабоченными тем, чтобы доказать аналитику свое превосходство и расстроить его попытки интерпретировать, может быть показано, что они неправильно понимают интерпретации, а это значит, что способность не понимать превосходит способность понимать. Интерпретации, основанные на этом инсайте, могут стать толчком к дальнейшему развитию анализа. Когда пациент страдает нарушением мышления, интерпретации неверного понимания ведут к некоторому прояснению, но, по-видимому, не более того. В этом случае необходима более содержательная концепция.

2. Используя описанные здесь в общих чертах процедуры, я вначале прибегну к абстракции, представленной символом **К**, а затем поменяю ее знак на –**К**. Предполагая, что знаки всех факторов в **К** также меняются на противоположные, я, чтобы облегчить себе поиск факторов в –**К**, в качестве до-представлений (пре-концепций) использую теории, которые представляют факторы в **К**. Такие факторы (теперь используемые так же, как до-представления) в своем новом приложении могут быть представлены символом ♀. То, что я имею в виду, станет более ясным, если я скажу, что нахожусь в состоянии наблюдателя и что это состояние противоположно тому, в котором я выношу суждение о наблюдениях. Далее я могу это примерно описать, сказав, что меня поглощает задача наблюдения или меня поглощают факты. Короче, существует множество способов, которыми я могу пытаться описать свою психическую деятельность; все они могут вносить свой вклад в понимание того, что меня занимает, но ни один из них не делает это с той точностью, которую я считаю

необходимой для передачи смысла психоаналитической процедуры. Преимуществом использования символа ♀ для обозначения новой роли факторов в **К** является то, что этот символ, по крайней мере, указывает, что понимание читателем моих идей должно содержать в себе элемент незавершенности до тех пор, пока он не встретится с соответствующей реализацией,— элементом, который может быть представлен как $\psi(\xi)$, где (ξ) сам является знаком неполного элемента.

3. В следующих разделах предпринимается попытка описать результаты наблюдения, в котором пре-концепции способствуют открытию, при этом я ни в коей мере не стремлюсь прояснить их, так как в любом случае это невозможно.

4. В ходе исследования неизбежно возникает желание узнать, почему существует такое явление, как –**К**. Ответ на этот вопрос следует искать в процессе психоаналитической работы с конкретными пациентами. Я рассмотрю лишь один фактор — зависть. Этим термином я обозначаю явления, описанные Мелани Кляйн в работе «Зависть и благодарность».

5. Я описал роль проективной идентификации в **К** как сопутствующее отношение между ♀ и ♂. В –**К**, представленной пациентом, обозначенным как $\psi(\xi)$, в котором предварительное исследование обнаруживает Зависть, являющуюся, по-видимому, одним из факторов, необходимых для удовлетворения (ξ), отношение ♀ к ♂, представляется как ♀ + ♂, где + может быть заменен на Зависть. Воспользуемся этой формулировкой для представления младенца и груди (прибегая таким образом к менее абстрактным обозначениям). Используем ее в качестве модели эмоциональной ситуации, в которой младенец испытывает страх смерти. Тогда сконструированная мною модель выглядит следующим образом: младенец отщепляет и проецирует свои связанные со страхом чувства на грудь; одновременно с этим он испытывает зависть и ненависть по отношению к не подверженной разрушению груди. Зависть с самого начала исключает сопутствующие отношения. Грудь в **К** может смягчать ту компоненту страха в страхе смерти, что проецируется на нее, и младенец в результате этого получает возможность реинтроецировать часть его личности, теперь более легко переносимую и, следовательно, стимулирующую его рост. В –**К**

грудь вызывает зависть от того, что она устраняет хороший или значимый элемент в страхе смерти и возвращает ничего не стоящий оголенный остаток обратно младенцу. Младенец, начавший жизнь со страха смерти, заканчивает тем, что вмещает в себя безымянный страх.

6. Неистовство связанной с Завистью эмоции, которая при этом может являться одним из факторов личности с выраженной –**К**, воздействует на процесс проекции так, что проецируется значительно большее, чем страх смерти. В самом деле, это как если бы младенец изгонял практически всю личность целиком. Поэтому процесс оголения, описанный в 5, является более серьезным (вследствие большей обширности), чем тот, что подразумевается при простой проекции страха смерти. Серьезность этого процесса хорошо можно передать, если сказать, что желание жить (которое необходимо предшествует страху смерти) является частью хорошего качества, удаленного завистливой грудью.

7. Поскольку зависть принуждает младенца к проекции, то эта проекция ощущается как завистливое оголение души, из которой (в **К**) удалить можно только страх смерти. Поэтому вряд ли найдется хотя бы один готовый к реинтроекции младенец, на которого можно было бы нагнать оголенный страх смерти. В **К** ♀♂ может найти для себя благоприятную среду, поскольку младенец может реинтроецировать родственную пару (related pair). Но –♀ и –♂ возвращаются объекту, который покрывает их немного больше, чем подобие души.

8. Согласно моему описанию, в объекте, реинтроецируемом так же, как ♀♂ в **К**, связь между элементами ♀ и ♂ является сопутствующей. В –**К** связь является завистью, поэтому –♀, –♂ и –(♀♂) следует рассмотреть более подробно. Есть несколько особенностей, которые трудно согласовать с теорией. Поэтому я прежде просто опишу их, не делая попыток объяснения.

9. Прежде всего, как одну из главных доминирующих черт, я бы назвал «запредельность» (withoutness). Это внутренний объект, не имеющий внешнего облика. Это канал пищеварения без тела. Это Супер-Эго, которое едва ли имеет свойства Супер-Эго, обычно подразумеваемого в психоанализе: это «супер» эго. Это завистливое утверждение морального превосходства при

отсутствии всякой морали. Короче, это результат завистливого оголения или лишения всего хорошего, и служит он для продолжения описанного в пункте 5 процесса оголения, с самого начала существующего между двумя личностями. Процесс оголения продолжается до тех пор, пока –♂ –♀ представляет не более чем пустое превосходство-неполноценность, которое, в свою очередь, вырождается в ничтожество.

10. Что касается сходства его с Супер-Эго, то –(♀♂) утверждает свое превосходство, отыскивая недостатки во всем, кроме себя. Наиболее важным качеством является его ненависть к развитию личности, как если бы все новое было противником, которого необходимо сокрушить. В силу этого любое проявление стремления к истине, к установлению контакта с реальностью — то есть, короче, к любой, даже самой рудиментарной, форме научности, сталкивается с разрушительными атаками на эти стремления и с утверждением «морального» превосходства. Это подразумевает утверждение того, что в более сложных терминах можно назвать моральным законом и моральной системой, стоящими над научным законом и научной системой.

11. Переформулируя пункт 10 в других терминах, можно сказать, что –(♀♂) подразумевает попытку сохранить важную способность — вызывать вину. Способность вызывать вину является важной и необходимой для функционирования проективной идентификации во взаимодействии между младенцем и грудью. Специфичность этой вины состоит в том, что ее связь с примитивной проективной идентификацией подразумевает бессодержательность вины. Поэтому –(♀♂) противоположно сознанию в том, что ему не присуща конструктивная деятельность.

12. В отличие от свойственной ♀♂ функции научения (**К**), –(♀♂) задействуется в совокупности содержательных ♂-элементов, стремящихся войти в –♀, лишившись при этом своих значений и сохранив лишь ничего не стоящий остаток. Интерпретации аналитика являются частью ♂-элементов, трактуемых именно таким образом, которые в итоге лишаются значений. Это завистливое экстрагирование должно быть противопоставлено процессу абстрагирования, характерному для ♀♂ в **К**. Подобная Эго функция –♀♂ отличает-

ся от функции Эго тем, что скорее разрушает процесс познания, нежели содействует ему. Эта деструктивная активность обладает оттенком «моральных» качеств, происходящих из присущих –(♀♂) качеств «супер»-эго. Другими словами, –♀♂ утверждает моральное превосходство и превосходство в силе **НЕ**-научения (**UN**-learning).

13. Успешное функционирование –(♀♂) приводит к росту совершенства и силы –♀ и все возрастающему приросту ♂-элементов, преобразующихся в –♂-элементы. Другими словами, альфа-элементы (как бы ни были они получены) используются для преобразования в бета-элементы. На практике это означает, что пациент чувствует себя окруженным не столько реальными объектами (вещами-в-себе), сколько странными объектами, являющиеся реальными лишь как остатки мыслей и представлений, которые были лишены своих значений и изгнаны.

14. Отношение **К** к –**К** станет понятным, если мы скажем, что в **К** уточнение и конкретизация абстракции и обобщения является возможными, тогда как в –**К** — нет, поскольку кажется, что абстракция и обобщение (коль скоро они возникли) становятся вещами-в-себе. В противоположность этому, в **К** частное может генерализоваться и стать обобщением, тогда как в –**К** частное становится лишенным каких-либо присущих ему качеств; конечным продуктом тогда является оголенность, а не абстракция.

15. Наконец (хотя я не буду прослеживать это здесь), теории, в которых я использовал символы **К** и –**К**, могут рассматриваться для представления реализации в группах. В случае **К** группа растет за счет введения новых идей или людей. В случае –**К** новая идея (или человек) лишается своего значения, а группа, в свою очередь, ощущает новую идею как обесценивающую ее. В **К** климат способствует душевному здоровью. В –**К** не может выжить ни одна группа и ни одна идея отчасти из-за разрушительной предрасположенности к лишению, отчасти же из-за последствий процесса лишения.

Примечания

1.5.1. Термин «реализация» используется в том смысле, который подразумевается, когда говорят, что трехмерная геометрия Эвклида имеет структуру обычного пространства как одна из его реализаций. Данное выражение в наиболее ясной форме используется в книге Сампла и Нибона «Алгебраическая проективная геометрия» (“Algebraic Projective Geometry”, Sample и Kneebone, O.U.P., 1956, глава 1), в которой разбирается геометрическая концепция.

1.5.2. Термин «дедуктивная система» (или «научная дедуктивная система») используется с целью охватить любое приближение (или предполагаемое приближение) к логическим системам, описанным в «Научном объяснении» Брейтуэйта (Braithwaite, “Scientific Explanation”, C.U.P., 1955, глава IV и далее).

1.7.1. Ср.: К.Р. Поппер «Логика научных открытий» // “The Logic of Scientific Discovery”, K.R. Popper (Hutchinson, 1959), p. 35, замечание 2, где прекрасно проиллюстрировано данное затруднение.

2.1.1. З. Фрейд “Two Principles of Mental Functioning” // «Два принципа функционирования психики», S. Freud, C.P., 1911, Vol. IV. Цитаты и ссылки в этой главе, приводимые с целью показать границы той области, в рамках которой я собираюсь использовать понятие альфа-функции, не отбирались с той тщательностью, которая предполагалась бы при работе с научной теорией или в качестве факторов, используемых наряду с теорией функций.

2.2.1. S. Freud (1954), “Interpretation of Dreams”, p. 615.

2.3.1. S. Freud, “Two Principles of Mental Functioning”, C. P., Chapter IV, p. 15.

2.5.1. M. Klein, “Notes on Some Schizoid Mechanisms”, Developments in Psycho-analysis”, p. 300.

2.5.2. M. Klein, там же , p. 293.

2.5.3. M. Klein, “Importance of Symbol Formation in the Development of the Ego”, Contributions to Psycho-analysis, p. 300.

2.5.4. В.Р. Бион, «Отличие психотических личностей от непсихотических».

3.2.1. Термин «явление» я использую для описания того, что Кант назвал вторичными и первичными качествами.

3.2.2. Термин «вещь-в-себе» я, в согласии с Кантом, использую для обозначения объектов, непознаваемых для человека.

5.1.1. Термин «зависть» используется здесь для описания в общих чертах тех явлений, которые детально представлены Мелани Кляйн в ее работе «Зависть и благодарность».

5.2.1. См. 4.4.

5.3.1. В.Р. Бион, «Отличие психотических личностей от непсихотических» // W. R. Bion, "The Differentiation of Psychotic from nonpsychotic Personalities." Int. J. of Psycho-analysis.

5.3.2. См. 6.2.

7.3.1. «Дифференциация сознания от бессознательного». При таком использовании терминов возникают типичные трудности, связанные с использованием неясных понятий, когда отсутствуют более точные понятия. Я не имею в виду «данное» сознание или «данное» бессознательное, поскольку наблюдателю придется тогда различать два объекта. Кроме того, я не хочу устранять этот полумрак смыслов, поскольку после того, как элементы будут дифференцированы — некоторые станут сознательными, а некоторые — бессознательными,— разумно будет говорить о существовании бессознательного, если такое понятие имеет значение.

10.1.1. Это предполагает наличие способности к интуиции, которая кажется не соответствующей традиционным представлениям о душевном заболевании. Поскольку такое поведение является намеренным, намерение должно контролироваться и диктоваться непсихотической частью личности.

Воскрешение в памяти, характерное для бета-экрана, в случае успеха означает, что пациент изголодался по настоящему терапевтическому материалу, а именно истине, и поэтому перерабатывает свои нацеленные на выживание импульсы, пытаясь извлечь урок из терапевтически скудного материала.

10.2.1. Изменение направления на противоположное согласуется с коррекцией мышления посредством освобождения; иными словами, если личность обладает недостаточно развитым аппаратом, который позволил бы ей «думать» мысли, она может попытаться освободить психику от мыслей тем же самым способом, каким она освобождает себя от добавочного раздражения, и задействовать тогда обращенную альфа-функцию.

10.2.2. Важно лишение альфа-элементов тех свойств, которые отличают их от бета-элементов. Модель зиждется на теории, в которой слово рассматривается как наименование научной дедуктивной системы, например, «Дада». Научная дедуктивная система состоит из ряда гипотез. Система является утверждением, элементы в котором прочно связаны. Связь и связанные элементы определяются пре-концепцией (*априорным* знанием индивидуума) и реализациями, которые индивидуум считает хорошо аппроксимирующими пре-концепцию и которые преобразуют ее в концепцию. Концепция, в свою очередь, становится абстракцией (или моделью), которой (как это принято считать или доказано) подходит по-прежнему большое число реализаций. Это те ассоциации, на связь между которыми указывает научная дедуктивная система и которые, в силу данного утверждения, *являются* связанными в психике индивидуума. Они отрываются от слова, являющегося обозначением научной дедуктивной системы, так что

в конце концов остается одно лишь название «Дада». Я не рассматриваю ни социальное значение имени «Дада», ни социальную версию научной дедуктивной системы, названной этим именем. Обсуждаемый мною аспект относится к тому, что существует прежде обнародования и что поэтому принадлежит только лишь индивидууму. Этот аспект явления, используя терминологию Канта, можно было бы назвать вторичным качеством, универсальность которого после обнародования не становится очевидной, в отличие от, как их называл Кант, первичных качеств.

12.6.1. Мы не сможем двигаться дальше, если я буду обращать внимание читателя на все множество примеров использования мною фраз, модель в которых подразумевается, скорее, неявно. Кроме того, это может помочь нам прояснить проблему, которой я касаюсь, когда случайно ввожу (например, как здесь) такого рода интерпретацию. Термин «благополучие» сам по себе предполагает, что психическое (равно как и физическое) развитие зависит от эффективности работы психической пищеварительной системы. Развитие может предполагать экстернализацию, которая отлична от охватывания, предполагающего интернализацию. Читатель может бессознательно откликнуться на термин «благополучие», поскольку действие конкретизации внутренне присуще подразумеваемой модели, несмотря на то, что это не та теория, которой он симпатизирует. С другой стороны, его может вообще никак не тронуть модель, подразумеваемая «развитием». Читатели книги Фоулера (Fowler, «The King's English») встретятся с проблемой, встающей перед теми, кто заботится о хорошем письменном английском (см. его комментарии к метафоре в главе III). Никто не может обвинить Фоулера в легкомысленном обращении с хорошим английским языком: тем не менее он обсуждает проблему, озаглавленную как «Мелодии и грации» («Airs and Graces»). Для практикующих психоаналитиков эта тема очень важна. Она подходит совсем близко к корню (или источнику, или матрице) проблемы, связанной со способностью думать и передавать мысль; способность эта связанна с возможностью или невозможностью достичь какого-либо реального знания.

12.7.1. Термин «грудь» используется Мелани Кляйн как понятие.

12.8.1. Эта идея, возможно, созвучна фрейдовскому утверждению (Interpretation of Dreams // Толкование сновидений, p. 602) о первичном процессе.

12.12.1. «Вмещающий в себя». В этом и других отрывках я исхожу из гипотетической модели контейнера, когда необходимо использовать такие термины, как «внутренний» и «внешний» объекты. Модель эта используется мной с неохотой, поскольку, как мне думается, она больше подходит для незрелого научного мышления. Тем не менее, характер работы и отсутствие языка, соответствующего научному подходу, вынуждает использовать непригодную модель в силу того, что лучшая модель отсутствует.

12.12.2. «Плохая грудь». Здесь иллюстрируется одна из методологических проблем, с которой я пытаюсь иметь дело. Кроме того, эти страницы можно проиллюстрировать множеством примеров: я, тем не менее, не буду их описывать, предоставив читателю возможность самому исправить ошибки в представлении материала.

Если меня спросят, какой смысл я вкладываю в словосочетание «плохая грудь», я смогу лишь сказать, что подразумеваю под этим то же, что и ребенок. Если меня спросят, что это такое, я скажу, что в ходе эмпирического опыта переживания в анализе пациент демонстрирует определенные чувства, которые, как я полагаю, полностью передаются мне. В силу причин, связанных с практикой анализа, я должен сказать, в чем состоят эти чувства. Для этого я могу привлечь некоторый материал, источник которого я опишу позже, и создать модель. Я сравниваю эту модель с происходящим в комнате и делаю интерпретацию, которая, помимо всего того, что пациент воспринимает как свое, является «плохой грудью». Представления младенца и аналитика я могу описать следующим образом: А. Я думаю, что ребенок обладает неприятным эмоциональным опытом. В. Я думаю, что он вмещает в себя плохую грудь. А. Я думаю, что болезненный эмоциональный опыт связан с идущими вместе пре-концепцией и бета-элементом. В. В зависимости от личности ребенка я думаю, что ребенок может: (1) отбросить бета-элемент и заложить основу неспособности к мышлению; (2) принять бета-элемент вместе со связанной с ним пре-концепцией, терпеть присущую этому действию фрустрацию и таким образом задействовать альфа-функцию и продуцировать альфа-элементы. Проблему пре-концепции я разбираю в главе, посвященной определяющей гипотезе. В практике анализа пациентов с нарушениями мышления аналитику требуется — если это возможно — установить методологические рамки, но (и в этом заключается трудность вопроса) он также должен попытаться сформировать некоторую идею относительно того, каким, по мнению младенца, является чувство. В случаях нарушения мышления очевидно, что проблема данного типа, возникнув в жизни младенца, не нашла своего решения. Однако отсюда один шаг до абсурдной идеи приписывать младенцу мысли и понятия о том, что взрослый называет «чувством», которое можно приписать Канту. Вполне возможно, что только Кант имел подобные проблемы и был способен их решать. Те же, кто не является Кантом, либо (а) не имеют этих проблем, либо (б) имеют эти проблемы, и у них развиваются нарушения мышления.

13.1.1. Практическое значение этого обсуждается в антологии теорий. Некоторые важные для проблемы идеи могут получить развитие благодаря проведенному Уиздомом исследованию, описанному им в статье «Методологический подход к проблеме истерии» (J.O. Wisdom «A Methodological Approach to the Problem of Hysteria»), представленной немецкому психоаналитическому обществу (Dutch Society for Psycho-Analysis) в Амстердаме 16 декабря 1957 года.

17.1.* «Здравый смысл» и «общее чувство» используются как равнозначные варианты перевода понятия common sense. (*Примеч. пер.*).

18.3.1. Важно различать суть этих двух теорий. Теория альфа-функции вводится для того, чтобы дать аналитику возможность работать, не выдвигая раньше времени новой теории: фрейдовская теория сознания, понимающая последнее как чувственный орган восприятия психических свойств, является частью признанной психоаналитической теории. См. главу 18.

19.1.1. Инициируемый аналитиком процесс в случае, когда он изучает нарушения мышления, организуется таким образом, чтобы дать возможность исследовать такой же процесс у пациента. То, что аналитик называет фантазиями (по крайней мере, в некоторых случаях), является сегодняшними пережитками того, что однажды было моделями, сформированными пациентом ради приведения в соответствие своих эмоциональных переживаний. В этом смысле миф об Эдипе является пережитком модели, построенной ради приведения в соответствие эмоциональных переживаний младенца. Если клинический случай обнаруживает нарушение мышления, то оказывается, что эта модель не могла быть построена верно. В результате эдипова ситуация будет выглядеть неправильно развивающейся или отсутствующей. Аналитик такого пациента будет демонстрировать попытки (если аналитик развивается) построить такую модель. См. также Frege Grundgesetze, Vol. I, p. 3. Geach-Black translations, p. 154, где обсуждается концепция, являющаяся как бы ненасыщенной (неполной).

19.2.1. Постулирование существования таких объектов подвержено критике, выраженной Фрейдом в возражении против постулирования логических объектов, pp. 55, 56, Grundlagen der Arithmetik. Психоаналитик должен полагаться на эмоциональный опыт, переживаемый в ходе анализа, и искать элементы, которые он считает факторами альфа-функции. Если он думает, что некоторые из этих факторов могут быть описаны как аналоги чувственных впечатлений, связанных с конкретными объектами, то самое время будет сформулировать соответствующие определяющие гипотезы или обозначить их уже существующими терминами, которые, по-видимому, могут служить наименованиями для таких определяющих гипотез. Аналитик, таким образом, находится в положении человека, который (благодаря способности к «объемному» восприятию и последующему соотнесению, т.е. благодаря обладанию способностью к сознательному и бессознательному соотнесению мыслей) способен строить модели и абстракции, проливающие свет на неспособность пациента делать то же самое. Более детальное описание этого относится к клиническому психоанализу, в который я не могу углубляться здесь, кроме тех случаев, когда это имеет отношение к рассматриваемой теме, а именно тогда, когда проблема аналитика связана с научением через опыт переживания.

19.3.1. S. Freud, Interpretation of Dreams, Глава VII B.

19.4.1. Это похоже на процесс, в ходе которого пре-концепция и опыт реализации приводятся в соответствие, что стимулирует развитие концепции.

20.7.1. Важность этого явления изменяется в зависимости от эмоции, сопровождающей опыт. Пациент может считать, что его активность — это изгнание, однако природа этого предположения определяется тем, испытывает ли он агрессию, подавленность или ощущает преследование. Если его активность является тем, что аналитик рассматривает как нормальное словесное общение, то пациент не знает о том, «что он чувствует». На первый взгляд, поведение пациента сильно напоминает

состояние сна, подобное тому, что я описал в 9.4. Фактически это бета-экран, и здесь невозможно разделить мысли на сознательные и бессознательные. В случае настоящего сновидения клиническая ситуация позволяет доказать разделенность сознания и бессознательного, как это имеет место, когда пациент отождествляется с бессознательным, а аналитик — с сознательным или наоборот.

21.3.1. См. 22.8.

22.1.1. См. R. E. Money-Kyrle, Man's Picture of his World, Глава IV. Обсуждаемая в этой книге проблема по существу является той же самой, что обсуждается касательно области, ограниченной психоаналитическим методом. Мани-Керл показывает, что перед каждым на протяжении жизни встает такая задача.

22.2.1. См. H. Rosenfeld, On Drug Addiction // Int. J. Of Psycho-Anal., Vol. XLI, p. 472, как яркий пример проблемы, проиллюстрированной мной с помощью модели использования младенцем «Дада». Хотя о ней говорится как о возникающей во сне, обычно душевное состояние не ограничивается сном.

22.3.1. Kant, Critique of Pure Reason . Перевод N. Kemp Smith, B XXVII-XXVIII, Предисловие ко второму изданию.

22.6.1. H. Segal, Notes on Symbol Formation // Int. J. Of Psycho-Anal., 1957. Что касается конкретизации и абстракции, см. ее комментарии к уравнению.

23.1.1. H. Poincare. Science and Method (Dover Publications).

24.1.1. См. J. O. Wisdom, A Methodological Approach to Problem of Hysteria // Int. J. Of Psycho-Anal., Vol. XLII. А также An Examination of the Psycho-Analytical Theories of Melancholia.

26.5.*. По-видимому, здесь подразумевается цитата из «Двух принципов» Фрейда. В русскоязычном переводе с немецкого, выполненном Вульфом, она звучит следующим образом:

«[Мышление было снабжено свойствами, благодаря которым] душевный аппарат мог перенести повышенное возбуждение, усилившееся от задержки проявления». (*Примеч. пер.*).

27.19.1. Elliot Jaques, Disturbances in the Capacity to Work // Int. J. Of Psycho-Anal., Vol. XLI, 1960. Мне кажется, что процессы разложения и поиска, как их описывает Элиот Джейкис, зависят от существующей системы пре-концепций, которая может возникнуть на основе несогласованных элементов параноидно-шизоидной позиции. Мне представляется, что в строгом научном исследовании теории или научные дедуктивные системы используются как инструмент поиска.

Таблица

	Определяющая гипотеза	ψ	Обозначение	Внимание	Исследование	Действие	
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**... n**
A **β-элементы**	A1	A2				A6	
B **α-элементы**	B1	B2	B3	B4	B5	B6	... Bn
C **фантазии, сновидения, мифы**	C1	C2	C3	C4	C5	C6	... Cn
D **до-представление**	D1	D2	D3	D4	D5	D6	... Dn
E **представление**	E1	E2	E3	E4	E5	E6	... En
F **понятие**	F1	F2	F3	F4	F5	F6	... Fn
G **научная дедуктивная система**		G2					
H **математические вычисления**							

Научное издание

Серия «Библиотека психоанализа»

Уилфред Р. Бион

НАУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Редактор — *Г.В.Ежова*
Обложка — *П. Ефремов*
Компьютерная верстка и графика — *Л.И. Иванова*

ИД № 064615 от 07.06.01.

Сдано в набор 26.03.08. Подписано в печать 28.04.08.
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 8,0. Уч.-изд. л. 5,4.
Тираж 250. Заказ

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия» УД ПРФ
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6